

Рис. В. Карабута

Настанет время, и многие нынешние питомцы профессионально-технических училищ станут передовыми рабочими, новаторами производства, героями труда, руководителями предприятий, целых отраслей народного хозяйства. Помочь им подготовиться к большой жизни в первую очередь должен комсомол.

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на XVII съезде ВЛКСМ

ЛУГА МЕДВЯНЫЕ

ПОВЕСТЬ

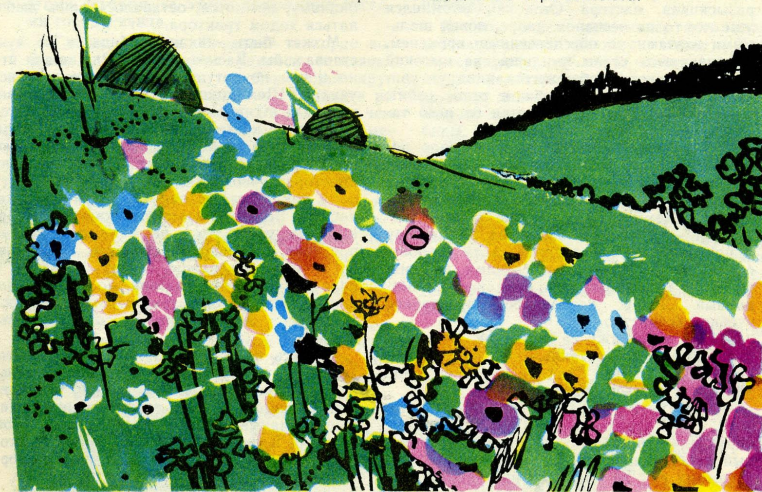
1

Сладкий ветер, вобравший все запахи скошенных трав, был еще и теплый и головокружителен, и Васька пел. Так дурманил этот ветер, словно вылетающий из какого-то душистого флакончика, что забывались вдруг все настоящие, суровые песни, а возникало почти бессловесное, подобное протяжному, радостному вздоху: «эээээ, эге-ге-ге!»

Васька пел, и пели птицы, и даже волшебный ветер напевно посвистывал. Правда, свой голос, и голоса птиц, и голос вольного ветра лучше всего слышал Васька, когда, разворачивая сенокосилку, приостанавливал свою стригущую машину и, сраженный красотой зеленой земли и неисчер-

паемо голубого неба, чуть ли не стонал от восторга, и чудилось, что это не сам он поет и не птицы поют, а звенит, звенит июньский спелый луг.

Можно бесконечно жить, бесконечно глядеть на эту землю, но никогда не устанешь от таких праздников, как весна, как сенокос, как листопад. И самый чудный из этих праздников — сенокос! Словно для какого невиданного пиршества, все валится и валится сырая трава, и будет продолжаться это пиршество несколько больших дней, несколько мгновенных ночей, а потом на прибранном лугу будет ветер натекать на один мохнатый стог, на другой и еще, еще. Ах, повремени, не уходи, июнь! Не кончайся, дивная пора сенокоса!

Большерукий, голый по пояс, копченый весь и лоснящийся, с червонными от солнца щеками, с белесыми незримиными бровями и с такими же белесыми, выгоревшими до белизны отцветшего пушистого одуванчика волосами, Васька дышал пьянящим ветром, ерзал в металлическом седле сенокосилки, обжигал руки неосторожным прикосновением к железу и наслаждался работой, роскошной жизнью, страстно желая бороздить и бороздить седовато-зеленую, пятнистую от ветра ширь луга.

Да, роскошная жизнь — хмель скошенного луга, радость лета!

Все это будет: и дурман оголенного луга, и сладкая работа, и купание в старом пруду, заросшем распластанными листьями водяных лилий, и забытие на теплой земле — все это будет, но не сразу, а позже, потом.

2

А пока Васька с пощелком захлопнул толстую тетрадь с затейливым вензельком «Агротехника», прынул из класса, расталкивая ребят и сея за спиной возмущенный ропот, вмиг бежал оба этажа, заглянул и в учительскую, и в лабораторию тракторов, разыскивая мастера Стодолю, опомнившись уже где-то на песчаном дворе, повел шальными глазами на обесцвеченные временем, облупившиеся стены училища, на высокий кремовый дворец общежития и вдруг увидел в двух шагах от себя, в толпе ребят, Стодолю, который и не думал от него таиться.

— Так что, Борис Павлович, уговор дороже денег? — напористо, без передышки пошел в наступление Васька. — Хоть на вождение трактора отпустите? А то вон Женька Дембицкий и другие уже на сенокосе! — с обидой напомнил он мастеру и показал крупной ладонью в ту сторону, где за песками, за деревенскими дюнами, за малой речкой Ведричь, впадающей в бездонный Днепр, раскинулось просторное учебное хозяйство.

— Тут дело даже не в уговоре, — заморгал часто-часто, останавливая на нем величественные очи, Стодоля. — Тебе еще учиться и учиться водить.

— Вы хотите сказать, Борис Павлович? — запальчиво возразил Васька, вдруг начисто забывшая какой-то убийственный довод и продолжая сварливо, так, что и самому ему не нравился ни нервный тон,

ни нервные слова: — А кто уже сдавал вождение на пятерку? Кто?

— Ты, друг мой, ты, — прервал Стодоля с кислой приятельской миной. — А вот классность вождения, классность! До настоящей классности вам еще ехать и ехать. И скажи спасибо, что я тебя через день на трактородром отпускаю. Так-то, друг мой. А сейчас ты, Крыж и Бусько, — по машинам!

И Васька по привычке тронул с места большими, раскидистыми шагами, точно опасаясь, что Стодоля вдруг передумает, и легонько, почти ласково кляня его при этом, потому что мастер будто нарочито не хотел замечать, какой он классный тракторист, ничуть не хуже комсорга Женьки Дембицкого. Да что Женька! Когда они с Женькой, узкоплечим и рослым красавчиком, втискивались в тесную кабину трактора и когда Женька, дублер и одновременно наставник, пытался, перенимая плавную речь Стодоля, подсказывать Ваське, как необходимо развернуть трактор или газануть, все команды поводчика оказывались напрасными: на мгновение раньше успевал Васька и развернуться, и прибавить скорости — и все безошибочно. И Женьке Дембицкому, помнится, оставалось лишь любоваться ходом трактора.

Может быть, никакой обиды и не чувствовал бы Васька, если б не знал, что ни в чем не уступает знаменитому на все училище Дембицкому и если бы так не завидовал Женьке сейчас, когда начинается сенокос и когда любимчик мастера Дембицкий, уже не первый день не появляющийся на занятиях и пропадающий там, на просторах учебного хозяйства, не был в эту пору так счастлив от настоящей мужской работы. Ведь это счастье: заканчивать первый год учебы уже не в училище, а на практике, на медовом сенокосе. В середине июля все училище оседет на лето в палатках трудового лагеря, но самое большое счастье выпало тем, первым, кто уже ночует под звездами, кто просыпается раньше птиц.

Радуюсь тому, что быстрее дружок оказался на плацу и выбрал самый старенький, с пятнистой кабиной, боевой, изжеванный гусеницами такие тяжкие и неисчислимые песчаные версты, излюбленный свой трактор, Васька двинул машину на трактородром и, загудев под нос что-то неразборчивое, веселое, сразу выкатил на трассу.

Поле славы или позора — трактородром! Сколько первогодков тут, на этом песчаном пространстве, огороженном деревянным плетнем, почувствовало впервые власть и умение своих рук! Сколько первогодков тут, на уставленном дорожными знаками, узкими воротцами, железнодорожными шлагбаумами, бревенчатыми мостами, на испещренном крутыми зигзагами поворотов пространстве, — сколько первогодков тут испытало ожог стыда!

Для Васьки же все было позади: и первый позор, и первая слава. Он вел гусеничный трактор со щегольством опытного водителя, наслаждаясь тряской дорогой, ровным рокотом двигателя, серым запахом пыльных клубов, поднявшихся завесой над песчаной трассой. Окунается машина в облака, вставшие над трактородромом, мгновенный сумрак наполняет кабину, а ты легко правишь трактор на просвет, на ту сыпучую трассу, ты оборачиваешься и видишь в желтой мгле, в бурой мгле то один трактор, то другой и даже машешь рукой из кабины, не то разгоняя пыль, не то маня трактористов в золотистую, нежную мглу. И так прекрасен мир, когда из пыльного облака выскакиваешь на чистый пригорок и схватываешь взглядом раскинувшуюся на песках серую деревенку Озершину, ее вечные, старые вербы, ее судоверф на берегу Днепра, ее допотопные, маленькие автобусы, вырывающиеся из-за пыльных верб и катящиеся по булыжниковому шоссе в ближайший, сразу же и начинающийся за этими вербами, за этими белеными песками город Речица.

«Где же вы там, Стодоля? — гордо вопрошал Васька, когда удалось блестяще, как ему показалось, пройти один круг трассы, другой, еще круг. — Поглядите на ход трактора. И сравните. Разве хуже, чем у Дембицкого? И лучше всего — туда меня, где комсорг Дембицкий. Я ничего против Женьки не имею, но войдите в мое положение, Стодоля».

Так, размышляя и вновь сникая оттого, что не сегодня-завтра взмахнет острым крылом сенокос, что без него, без Васьки, отпразднуют счастливые люди сенокос, он уже загадывал особенный, крутой, резкий разговор со Стодолей. «Войдите в мое положение, Борис Павлович...» Нет. «Кто вам дорожке, Борис Павлович, — Дембицкий или я, то ваше дело, но у меня свербят руки по работе!» Нет, не так. «Я же косарь, Борис Павлович, я ж с косой пойду по яминам, меж кустов пойду с косой. Деревенский я, а Дембицкий речичский».

Громыхали, громыхали тракторы, совершая степенные круги, и Васька, оглядываясь, видел и тот, лишенный кабины трактор, на металлическом троне которого си-

дел Бусько. «Надо же! — вспоминал недавнее приключение Васька. — Забыли поставить трактор на тормоза, перевернулся он, упал на бок, всю кабину измял — и пока без кабины ходит. А как Стодоля шумел после этого приключения!»

Очень надеялся он, что вот появится Стодоля из-за седого плетня и, строгий согладаясь, застынет в защитных очках, и палевое облачко наплывет на него. Но круг за кругом проходили тракторы, песок уже скрипел на зубах, на лице был ощутимый, стягивающий кожу налет пыли, а все не появлялся Стодоля.

И показался вдали, на ступенчатом крыльце училища, лишь в ту минуту, когда тракторы стали выезжать с трактородрома.

И тут как раз еще одно приключение ждало трактористов, и Стодоля, получается, словно и вышел для того, чтобы остаться в легком потрясении.

Уже спокойно вел свою машину Васька, а маленький Крыж, поблескивая в улыбке редкими зубками, проскочил вдруг мимо и погнался, погнался трактор, как бы целя на училище, на высокое крыльцо, на котором замер Стодоля.

И сначала подумалось Ваське, что маленький Крыж хочет утешиться маленькой славой, лихо прокатиться на виду у мастера. Но в следующее же мгновение он различил, что машина Крыжа несется на глухую стену гаража.

«Не успеет повернуть! — промелькнуло у Васьки. — У, глупый Крыжовник! Ведь пробьет стену...»

Но еще через мгновение, догадываясь, что наверняка отказало сцепление и Крыж, растерявшись, забыл о единственном, что могло предотвратить катастрофу, забыл заглушить двигатель, — еще через мгновение Васька затормозил, кулем выкатился из кабины, дико крича:

— Глуши! Глуши двигатель!

И, не надеясь, что Крыж услышит и опомнится, могучими прыжками надал за чужим трактором.

Потом, восстанавливая все происшедшее, Васька поразится, как удалось ему кинуться к кабине, коснуться ногой вращающейся гусеницы, повиснуть на дверце, в доли секунды распахнуть ее и свалиться на сиденье.

Но все так и произошло. Васька придал Крыжа к другой стенке кабины и выключил мотор в самый последний момент, когда трактор готов был протаранить малую крепость — гараж. И секунду-другую ошалело глядел на эту возникшую перед гусеницами трактора малую крепость, чувствуя себя немым, не способным даже кричать на бедного Крыжа.

Неузнаваемый, возбужденный, сердитый,

примчался тут же Стодоля. Примчался без одной плетеной сандали. Увидев, что и крепость цела, и трактор цел, простонал облегченно и тут же исчез — наверное, бросился искать сандалию.

А потом он воротился и, поглаживая ласково дверцу кабины, принялся успокаивать себя, Крыжа и его, Васюку:

— Ничего не случилось, хлопцы... Никакой катастрофы, хлопцы... Можете вылезать из кабины, хлопцы...

И когда соскочили наземь, маленький Крыж посмотрел еще раз на клетчатую кирпичную стену гаража и вдруг заплакал, тщетно пытаясь побороть свою слабость, неразборчиво бормоча оправдания и все же давясь слезами.

Тогда и Васюка, и Стодоля отвернулись, и Стодоля расстроганно сказал Васюке:

— А ты герой.

Васюка ждал большего: восклицаний, рукопожатий, нескончаемых слов благодарности. Такое пережил он, что руки вдруг стали дрожать! А Стодоля внимательно посмотрел на него, вроде хотел отметить тень испуга на его лице, что ли, и повторил, как показало Васюке, равнодушно:

— А ты герой.

И так взорвало Васюку это мнимое спокойствие мастера, так мало ему было вознаграждения за минуты опасности и риска, что он крикнул Стодоле, не стесняясь сейчас своей досады:

— А раньше не знали? Раз герой — посылайте на сенокос!

— Ну вот! — шутливо возразил Стодоля. — А кто уберет бы трактор, если бы ты был на сенокосе, на лугу?

3

Сколько раз за этот год жизни в обшестити, поднимаясь во тьме и принимая к окну на четвертом этаже, Васюка ловил привычным взглядом фонари затона судоверфи, поздний освещенный автобус на шоссе, рубиновые бортовые огни теплохода на Днепре, и сколько раз оказывался подле него такой же полуночник, как он сам. Неповторимы эти остротные разговоры в поздний час, когда вспоминаешь свою хату в далекой деревне, которую называешь не деревней, а вёской, и это белорусское слово тут же и еще ярче возвращает тебе твою вёску: старый журавль с обгоревшим со времен войны колодезным дубовым срубом, выросшая в воронке от немецкой бомбы липа, праздничные и поминальные сходки пожилых партизан с медалями на воскресных пиджаках.

Вот и теперь, натякаясь на разбросанные возле четырех коек туфли, бранясь при этом покайно и вслушиваясь, не разбудил

ли случайным стуком хлопцев, Васюка пробрался к окну и подумал с завистью о том, как сладко спит Женька Дембицкий, вернувшийся загорелым, огрубевшим из учебного хозяйства. Завтра день занятий у этого удачливого Женьки, и завтра же после занятий Женька сядет за баранку грузового автомобиля и опять поедет туда, где шелковый шелест спелых трав.

И, представив сенокос, по-карнавалному веселых людей на лугу, Васюка сокрушенно вздохнул. И даже обернулся, различая горячее шумное дыхание Женьки Дембицкого, сраженного работой, хмелем луга.

Когда он пытался спросить у самого себя, отчего так рвется туда, где вот-вот разгорится сенокосная битва, отчего не сидится здесь, в Озершине, ведь лето лишь теперь в зените и хватит еще с него, с Васюки, одуряющей работы, он тут же и возражал себе, роптал: нельзя сидеть в училище, нельзя его сильным руками без дела, а дело он любит и почти выучился на тракториста-машиниста. Словно хотелось поскорее испытать, какой он тракторист, знаток машин, полезный человек!

Полуночники не спят, полуночники निकнут к окну, высматривая в угольной тьме движущийся как будто не по воде, а по черной земле тихий теплоход, и кто-то из полуночников, такой же бодрствующий, как Васюка, уже пробирался, громя, разбрасывая башмаки на полу.

— Ты чего, герой? — насмешливо спросил Васюка, узнавая тщедушного Крыжа. — Что-нибудь страшное приснилось, Крыжовник?

— Как я... как я на гараж ехал, а? — зыбким голосом сказал Крыж и вроде передернулся во тьме. — И как ты... как ты на кабину кинулся!

— А-а! — благодарно подхватил Васюка. — Кошмары тебя мучают, Крыжовник. Ты забудь. А то еще закричишь спросонья!

Но Крыж опять и опять отдавался унылым воспоминаниям, покоренный незабываемой картиной, и Васюка, уже не слушая все еще трепещущего человека, снова представил сенокос, луг и подумал с обмиранием, как хорошо было бы, если...

Он тут же нашарил на столе спичечный коробок, невесомую шариковую ручку, тут же выдрал из тетради в клеенчатой обложке прохладные листы и стал чиркать спичку за спичкой, забывая о том, что вдруг пробудятся все.

— Пиши, Крыжовник, пиши. Пускай твоим почерком. Вроде ради смеха. А если на самом деле удастся? — и Васюка зажигал спичку от спички, дул на одну руку, на другую. — Только не волнуйся. Чтоб рука не дрожала. Пиши!

— Заявление? — услужливо подсказал Крыж.

— Письмо! И в конверт запечатаем. Все по чину. — И, понимая, что неожиданный план, захвативший его, пока неясен другому-полуночнику, он все же не мог в эту минуту спокойно рассказать о дерзком плане и лишь повторял: — Пиши. Бумага, ручка. Пиши!

— А может, ты сначала расскажешь, что бы потом?..

— Тогда слушай! — И Васюка, плюнув на пальцы и взяв ими обгоревший, но еще жгучий, жалающий кончик спички, принялся как бы читать уже сочиненное письмо: уважаемый товарищ управляющий учхоза, к вам направляется учащийся СПТУ вместо Евгения Дембицкого, который отзывается в райком комсомола. Точка. И еще несколько внушительных слов.

Произнося шепотом фамилию Дембицкого, Васюка оглядывался в темноту комнаты, шурился, присматривался к дальней койке.

— Мудрено что-то! — неуверенно заметил Крыж. — «Направляется, отзывается...»

— А как в бумагах? — шепотом воскликнул Васюка. — Всегда так. Чтоб строже. И подписи крючкотавата: «Стодоля». Нехай мудрено!

— А что, если Женька тоже заявит на луг?

— Получится, что Женька самовольно сбежал!

— Выходит, Васюка, и ты... ну... и ты сбежишь?

— Сбегу. Но ведь я по бумажке! — и Васюка пошелестел листком из тетради.

— Тогда надо насчет Женькиной болезни. Чтоб получилось, будто он не сбежал, а заболел, потом вылез в один день — и опять за работу. Чтоб поверили, а то...

— Мировая мысль! — восхитился Васюка. — Но лучше, конечно, если бы Женька по-настоящему заболел. Тогда меня без звука на сенокос! Я же не хуже Дембицкого на тракторе, на машинах!

— Ты герой, — польстил Крыж, — ты уже сегодня герой, а Дембицкий никакого подвига не совершил.

Тут вдруг завозились на той, дальней койке, расхохотались, вскочили с постели и принялись шаркать босыми ногами, нащупывая обувь. И оказалось, что Дембицкий не спал или проснулся в самый последний момент, откровенно расхохотался и задуханным тоном сказал:

— Очень благодарен, заговорщики, за ваши заботы о моем здоровье. Мы бы с вами посмеялись еще, но я замучился в учхозе и помираю спать. А то бы мы посмеялись. Сам люблю веселые штуки.

И с этими словами Дембицкий, роняя насунутые на босу ногу башмаки, повалился на койку.

Представив, как этот невозмутимый Дем-

бицкий лежал во тьме и тихо скалил зубы, пока не расхохотался, Васюка с ворчанием побрел к своей койке, скрипнувшей музыкально под его тяжестью, лег не раздеваясь и так лежал, не прощаясь с отчаянным замыслом и одновременно опасаясь, как бы вдруг не разозлился Дембицкий и не стал грозить разоблачением, не стал стыдить.

«Спи, спи, красавчик», — мысленно уговаривал он Дембицкого, все еще планируя побег под жаркое алебастровое солнце летнего луга, и вслушивался в дыхание спящих, похожее на песнь закипающего чайника. И последнее, что он различил, безмолвно упрямившись спать счастливчика Дембицкого, — это не то писк, не то щебет летучей мыши, промелькнувшей за распахнутой фрамугой.

Эдуард Корпачев

(Продолжение следует)

ЗЕЛЕНЫЙ НАРЯД ОТЧИЗНЫ

Давным-давно я жил в городе, который стоял у самой кромки настоящей дремучей тайги. Мы, ребята, называли эту тайгу лесом и частенько ходили туда за грибами, ягодами, а то и за кедровыми шишками. Однажды возвращаясь из леса и видим: на поваленном дереве сидит взрослый дяденька. Дяденька как дяденька, только грустный очень. Увидал нас — вскопился, засмеялся, навстречу побежал. А потом спрашивает: «Ребята, вы не знаете, как до города добраться? Я даже здесь под елочкой переночевал, никак дорогу найти не могу со вчерашнего дня». Мы переглянулись, очень нам показалось смешно — сидит человек в десяти метрах от тропинки и дороги найти не может. Однако смеяться было нечему — наш новый знакомый оказался приезжим человеком. Довели мы его до первого дома, а он говорит: «Странные у вас места, товарищи, — мимо города можно пройти и не заметить. То ли дело в Башкирии — там, в степи, даже маленькую избушку за десять верст видно». Попрощавшись с нами, и больше не встречал я его. Очень заинтересовала меня тогда Башкирия, в которой так хорошо все видно. А у нас в лесу, если даже на самую высокую лиственницу заберешься, ничего, кроме макушек деревьев, не увидишь. Стал я у взрослых выпрашивать, что за страна Башкирия? А наш школьный библиотекарь Клавдия Романовна сказала: «Почитай-ка ты Сергея Тимофеевича Аксакова. Был такой писатель — замечательный любитель и знаток природы. А Башкирию знал как никто — он родился и жил там».

Дала она мне толстую книгу. Я прочел за одну ночь залпом. Летом в нашем городе можно было читать круглые сутки, потому что солнце почти и не заходило по-настоящему за горизонт.

Рассказ меня околдовал. Будто наяву я ощущал запахи и звуки тех мест, трогал руками теплые шелковистые травы. За плотной сеткой полога, закрывавшего мою постель, гудели комариные эскадрильи, которые захватывали город во время белых ночей, но я не слышал их, потому что скакал на кудлатой лошадке по весенней степи среди розового цветения дикого персика и вишни. «Насочинял тот лесной знакомый!» — сказал я тогда себе, а немного позже решил, что, когда вырасту большим, обязательно поеду в замечательную страну Башкирию.

И вот однажды в Оренбурге, куда я летел, неожиданно испортилась погода, и наш самолет посадили на аэродром в Уфе. Была темная ночь, и рейс отложили до следующего дня, поэтому все пассажиры поехали в городскую гостиницу.

Наступило утро, я проснулся и вышел на балкон. Прямо от здания гостиницы начинался лес. Огромные липы, дубы, вязы стояли стеной и уходили в голубой предвечерний туман. Белые, будто сахарные, параллелепипеды домов нового проспекта стояли строго вдоль лесной опушки. Это было замечательно красиво! Наверное, так должны выглядеть города в будущем: дома должны стоять среди могучих деревьев — это очень здорово. Так я впервые встретился с Башкирией и с тех пор пользуюсь любым случаем, чтобы побывать там. Конечно, времена Аксакова давным-давно прошли и волнистую степь не узнать, хотя по-прежнему цветет на склонах гор дикий персик-бобовник, вишневик и полевая акация-чилизнак. Преобразили степь люди, в недрах древней романтической степи нашли они запасы самого современного сырья — нефти.

Когда я впервые попал в эти места, которые любил с детства, то сразу вспомнил того слу-

чайного знакомого из тайги и подумал: прав был он, здесь город не потеряешь — далеко видны нефтяные вышки, нефтеперерабатывающие заводы и трубы ТЭЦ. Но немного позже понял, что был так же невнимателен, как тот, что, сидя в десяти метрах от дорожки, не мог ее найти. Я просто не обратил внимания, прошел мимо очевидного. Потом присмотрелся, подумал и понял ту вещь, до которой уже давно додумались нефтяники, химики, машиностроители и просто жители этих мест. Они не только строят гигантские заводы, электростанции и комбинаты — они сажают деревья.

Салавитя на всю Башкирию город нефтехимиков Салават. И не только своим огромным комбинатом, где из нефти получают неисчислимое количество нужных и полезных вещей, но славится он и как город самых ранних цветов. Кажется, еще совсем недавно проносились по прямому его проспектам колючие бураны, глядь — сошел снег, и почти на глазах одеваются пестрыми коврами бесчисленные клумбы, газоны, цветники. Суровые мальчишки и девочки из «зеленых патрулей» обходят дозором эти разноцветные владения, внимательно следят за деревьями и живыми изгородями. Если вы спросите у них, почему именно здесь, в Салавате, уже в апреле распускаются цветы — они ответят: «У нас земля теплая». Может быть, это и так, не будем спорить, только заметим, что без тепла человеческих рук, без упорного труда и заботы не расцветет никакая, самая щедрая земля.

А здесь каждый вновь построенный дом, школа, больница моментально обзаводится своими клумбами, аллеями, лужайками.

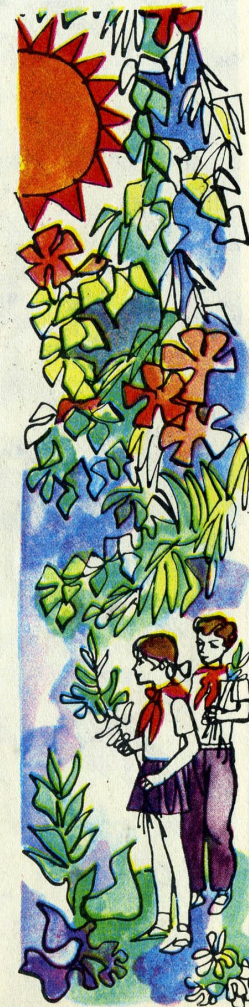
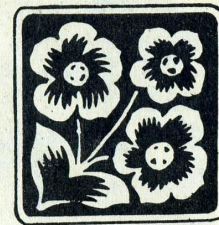
Сосед Салавата, второй по величине город республики Стерлитамак, тоже щеголяет зеленой листвой новых посадок. Здешние ребята из городских школ заложили широкую аллею в честь 50-летия присвоения комсомолу имени В. И. Ленина.

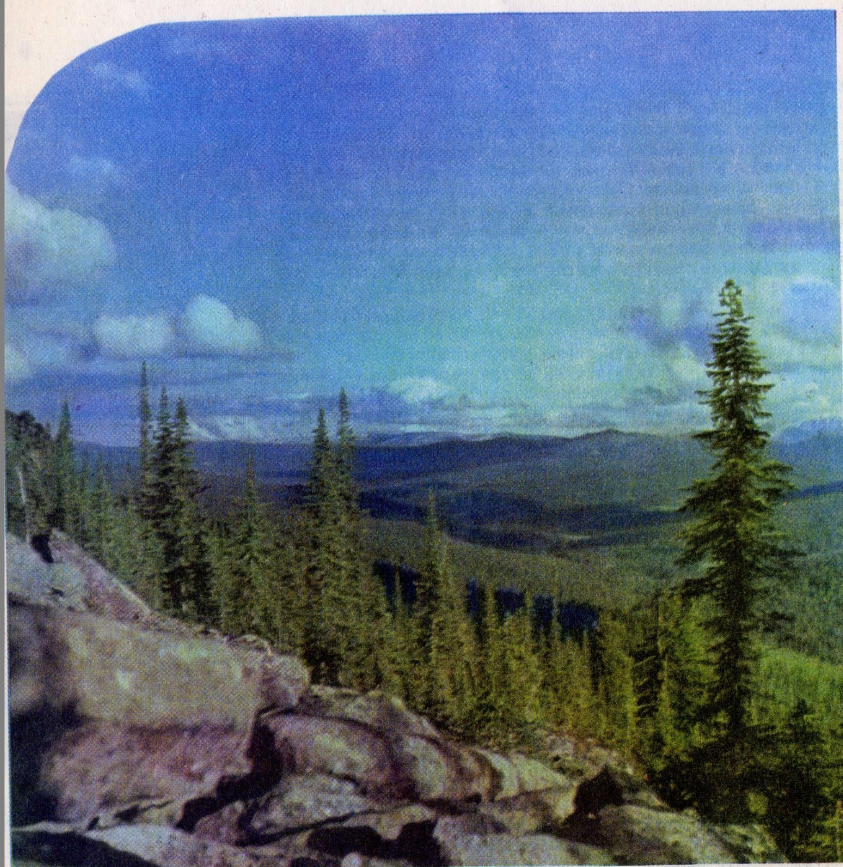
Здесь, в степи, родился и стал традицией замечательный обычай сажать деревья в честь знаменательных событий. Например, окончание школы.

Ежегодно, пока не распустились еще первые листочки на деревьях, собираются у средних и восьмилетних школ те ребята, которые скоро покинут их стены, чтобы идти в большую жизнь, и у каждого из них припасено маленькое деревце — саженец. Дружно звенят лопаты, и возле школы возникает новый ряд деревьев — аллея восьмого класса выпуска 1974 года. А рядом стоят уже окрепшие деревца прошлогоднего выпуска, а вот те, уже совсем большие, посажены ребятами, окончившими школу в 1970 и 1969 годах. Есть здесь и березки, и елочки, и липы, и клены, и молодые дубки — каждый сажал деревце на свой вкус. Постепенно окружает школу молодой зеленый парк. Мне нравится этот обычай. И я представляю, что когда-нибудь тонкие саженцы пионерских и комсомольских аллей, парков и садов станут могучими деревьями — такими же могучими, как вязы уфимского лесопарка. Стремительные автомобили будущего понесутся по прямым магистралям, пересекающим древнюю степь, а навстречу им поднимутся города, парки, поселки, рощицы, заводы.

Степь, о которой рассказывал старый писатель, будет еще прекрасней, и воздух, который он называл целебным, будет по-прежнему ароматным и пряным от запаха изумительных цветов и густых трав.

В. Лебедев

**МОЯ РОДИНА-
СССР
КЛАДЫ
САЯНСКОЙ
ТАЙГИ**

Полуденный воздух густ и неподвижен. Лишь изредка набежит ветерок, и тогда в нос остро ударяет то горячим запахом пихтовой смолы, то терпковатой прелью бадана, то прохладной сыростью подлеска. От несносной жары и духоты в тайге поухли все звуки. Только монотонно гудят шмели, пищит комарье да поет свою вечную песню в овраге безымянная речушка-воркуня.

Обливаясь потом, мы с Костей Вязиным тащимся по глубокому логу от реки Абакан к Черному озеру. Идти тяжело: тропа, проложенная по краю оврага, ведет все время в гору и в гору. Почти через каждую сотню шагов нам приходится огибать лесные завалы или продирается сквозь колючие заросли молодого сусняка. Иногда тропа перекидывается с одной стороны оврага на другую, и тогда нам приходится замирать от страха на шатких мостках-валежинах, перебираясь по ним через

овраг, на дне которого бьется об острые камни шальная речушка.

Речушка эта вытекает из Черного озера, окруженного в народе разными легендами и тайнами. Одна легенда гласит, будто белый атаман Семенов при бегстве в Монголию спрятал в его пучине свинцовый сундук с драгоценностями. Другая рассказывает, что в озере водится настоящая сельдь и живет живородящая рыба голомянка. Правда, в эти легенды мало кто верит серьезно. Но глянуть на таинственное озеро хочется каждому, кто слышал о нем хотя бы краем уха.

Но не знакомство с озером главная задача нашего похода. На озере нас ждет Леонид Ермилович Золотавин, лучший охотник Шорского зверопромысла, большой природолюб и краевед. К нему-то мы и

шагаем. Встреча с бывалым натуралистом сулит нам много интересного: Золотавин не только отличный знаток лесной жизни, но и прекрасный рассказчик таежных былей. Слушать его — великое наслаждение.

С Леонидом Ермиловичем я знаком давно, не раз хаживал с ним на охоту, удил рыбу и заслушивался его рассказами. Но это случалось всегда близ поселка, где живет Золотавин.

Ныне Леонида Ермиловича в поселке я не застал: охотник подался в верховья Абакана на промысел маральих пантов. Перед уходом он сообщил Косте Вязину о моем скором приезде и просил проводить меня к Черному озеру: Костя не однажды бывал в тех местах и хорошо знал дорогу.

И вот мы идем.

Подъем постепенно становится положе,

овраг расширяется и вскоре совсем исчезает, превратившись в широкую кедровую падь. Безымянная речушка течет теперь по неглубокому ложу, и тропинка вьется по самому ее берегу. Спадает и жара. В лицо бьют струи прохладного воздуха. Чувствуется близость голцов, вечного снега и большой воды.

— Скоро озеро, — сообщает Костя. — А сейчас будет Маралий сад.

— Маралий сад? А что это такое?

— Увидите, — загадочно отвечает Костя и предупреждает: — Только не онемейте!

Минут через десять лес неожиданно расступается, и впереди показывается огромная поляна. Я невольно останавливаюсь и замираю как вкопанный.

Бордовые марьяны, коренья, огненные жарки, яркие полевые лилии, белоснежные заросли цветущего жасмина, мириады цветов — все это буйствует броскими красками и заполняет воздух над поляной радужным трепетным светом. В воздухе танцуют тысячи разноцветных бабочек, сверкают серебром крыльев стрекозы, жужжат шмели и пчелы; черными молниями проносятся визгливые стрижи.

Не таежную поляну, а густок кипящей лесной жизни вижу я перед собой и стою зачарованный. Стою, не в силах произнести ни слова: так ошеломительна и так властна красота этой несказанной девственной жизни!

Из оцепенения меня выводит Костя, предлагая идти дальше. Пересекая поляну, я спрашиваю, почему у нее такое название — Маралий сад.

— А тут маралы по осени свадьбы устраивают, турниры, — отвечает мой юный проводник. — Трубят, как в басы дуют, а дерутся — земля дрожит от топота копыт да стука рогов. Идите за мной, я вам что-то покажу.

Он увлекает меня на опушку леса и показывает два маралих скелета. Они лежат на земле у колодины, намертво сцепившись рогами.

— Вот чем кончился турнир у этих двоих, — невесело говорит Костя. — А знаете почему? Форма рогов у них не как у всех — порочная, с отклонением от нормы. Нормальные олени сойдутся, испытают свою силу, выносливость, и те, кто послабее, убегут. До смерти почти никогда дело не доходит. Правда, встречаются олени-убийцы, но и те убивают не нарочно: опять же из-за рогов-уродов, у которых отростки стоят неправильно. Таких зверей охотники отстреливают в первую очередь. Ну а этих бедняг изъязв в рогах вот до какой беды довел, — заканчивает Костя и вздыхает: — Страшный случай.

Я мысленно представляю себе такую картину. Глубокая осень. На поляне лежат два ослабевших марала. Но не страх смерти отражается в их глазах, а ненависть: каждый считает, что его не хочет отпустить от себя соперник. И оба злятся, борются, тратя остатки сил.

— Идемте дальше, — выводит меня из грустной задумчивости Костя. — И глянем лучше на что-нибудь повеселей. На таймений, например. Никогда не видели, как они на солнце загорают?

— Таймени — загорают? Да они что, тюлени? Или нерпы? Разве такое бывает?

— Случается, — в глазах Кости хитринка. — Повезет — сейчас сами увидите. Только тихо!

Костя ведет меня по горной речушке, течение которой становится все тише, сама она шире, а вода в ней глубже. Проходим по-над берегом шагов двести, и русло речушки вовсе переходит в спокойный плес. Вода в нем прозрачней хрустала. Сквозь нее просматривается каждый камешек, лежащий на дне, каждая песчинка.

— Таймени! — резко останавливается Костя и кивает на плес. — Глядите, сколько их!

Я лихорадочно ищу глазами в воде рыб, но нигде их не замечаю. На дне лежит только какая-то торпедообразная крупная галька с хвостом-стабилизатором красноватого цвета. Рядом видна еще одна такая же. И еще. Странные гальки... Вдруг одна из галек шевельнулась, ползла. Ба! Да это же и есть таймени! Я считаю их — одиннадцать рыбин! И каких — метровых! Сами они серого цвета, а плавники и хвосты у них огненные, как лепестки жарков; глаза круглые, маленькие; носы тупые, приплюснутые, а пасти — в каждую ботинок войдет! Пошевеливают жабрами, переваливаются с боку на бок, но никуда не уплывают, держатся стаями на одном месте. И кажется, ничего на свете не боятся — ни того, что плес очень мелкий и прозрачный, ни того, что люди рядом. Почему так? Костя объясняет это по-своему:

— Греются они. В пасмурный день их тут не увидишь. А сегодня солнце-то вон как палит. Вот и выбрались на пляж, загорают, нежатся. Хорошо им сейчас, а оттого они и всему на свете доверяют: и ясной воде, и нам, людям.

Мы оставляем в покое доверчивых рыбок и шагаем дальше. Плес заканчивается, и впереди показывается небольшой, но шумный и пенистый порог. Глядя на него, Костя многозначительно говорит:

— Вот местечко. Ловите метляков, а я той порой удочку приготавливаю. Хариусов тягать будем.

Пока я ловлю кепкой метляков — сп-

ней, стрекоз и разных бабочек, — мой юный проводник вырубает из тонкой рябинки длинное удилаще и привязывает к нему леску с крючком. Потом насаживает на крючок большую капустниду и взмахивает удочкой. Капустница падает в воду и почти тотчас же исчезает с глаз. Костя дергает леску, и из воды вылетает извивающаяся рыбина. Это большой хариус. С минуту он играет всеми цветами радуги, затем начинает блекнуть и вскоре становится серым и неказистым. А Костя уже подает мне пару новых рыбин, потом еще одну и говорит:

— Ну, будет с нас. На уху хватит, а больше зачем нам — не солить же. Да если и засолить, много отсюда не унесешь: до ближнего поселка больше ста километров. Правда, на Черном озере иногда промхоз ловит и солит целыми бочками. Но уж больно золотая рыбка получается: ее оттуда на вертолете вывозить приходится, а это ох как накладно.

Костя, хотя он и школьник, в курсе всех дел родного зверопромхоза, потому что с детства дружит с охотниками и рыбаками, душой прикипел к их трудам и заботам, живет их бедами и радостями. Какой урожай кедровых шишек, грибов и ягод в тайге, много ли на угодьях промхоза маралов, коз, медведей, барсуков, соболей, белок, боровой дичи — обо всем этом Костя знает не хуже заправского охотника.

Мы входим в кедрч. На высоких подушках изумрудного мха лежат прошлогодние кедровые шишки, облупленные грызунами. На одной из подушек я замечаю свежие остатки бурундука.

— Соболю пообедать, — объясняет Костя и начинает ворчать: — Поразвелось его — граблями гребни, всех косачей повывел!

Костя возмущается, но незлобиво: ему явно нравится, что соболя в его родной тайге нынче стало много, даже с избытком: от него уже вон боровая дичь начала страдать.

— А как у вас с белкой, Костя?

— Белка — зверюшка перелетная: орехи есть — белка есть, нет орехов — и белки нет. Сейчас узнаем, будет ли нынче здесь белка.

Костя, скинув рюкзак, быстро и проворно взбирается на вершину одного из кедров и возвращается оттуда с зеленой веткой. На ветке звездочка из четырех молодых синих шишек.

— Будет нынче белка! — восклицает Костя довольно. — Зима теплая стояла, молодь не померзла, шишек растет уйма. Будет белка!

— Костя, а по сколько ваши охотники соболей за сезон добывают? — интересуюсь я.

— Кто как. Кто неленивый да смекалостый, так тот шук по сорок приносит, а то и побольше.

За лугом виден лес, а над ним небольшой столб дыма. Мы спешим на дым и вскоре оказываемся у костра, подле которого стоит шалаш. Золотавин печет на углях картошку. Здравствуемся, говорим о житье-бытье. Готовим уху из Костиных хариусов и хлебаем ее, закусывая черным хлебом и сочной черемшой.

— Как панты? — спрашиваю я охотника. — Добыли марала-то?

— Нет, — улыбается он застенчиво и немного растерянно. — Что-то я сентиментальным стал. Старую, что ли? Выследил его на солонцах, взял на мушку, курок осталось спустить — и не смог. Красивый стоит, гордый — не олень, а сам бог тайги. Так и не выстрелил. Отложил до другого раза. Только убью ли? Не хочется что-то из-за пантов этукую красоту убивать. Но не могу. Лето кругом, вся жизнь в цвет входит, а я убивать должен. Нет, трудно это сделать.

За шалашом в ложине я замечаю валки сохнувшей травы — и удивляюсь: кому это понадобилось устроить покос в такой дали от людского жилья?

— Моя работа, — говорит Золотавин. — Подсохнет — сгребу и стожок поставлю. Зимой маралам да козам поддержка будет. А как иначе? Нельзя же все время брать и брать от природы, надо же когда-то и давать ей. Вот я поставлю стожок да другой поставит — зверью и легче станет: сохранится лучше и приплод даст. А иначе никак дальше нельзя: оскудеет тайга, опустеет.

Время за разговорами летит быстро, незаметно. И я вдруг оказываюсь перед фактом: уже наступили сумерки, а я еще не побывал на Черном озере.

— Что, не терпится поискать семеновский клад? — смеется охотник. — Завтра сходим. Аклады в этих местах действительно имеются. Одних кедровых орехов, например, многие тонны каждый год можно добывать. Потом ягоды, грибы, травы лекарственных. Но как все это взять, чьими руками? Работники промхоза одни не управятся: мало их.

— А вы нас, школьников, пригласите, — предлагает Костя. — Мы с радостью вам поможем. А что? Собираем же мы лекарственные травы в тайге, а почему бы орехи нам не добывать? Или боитесь, что с кедром упадем?

— Гм, подумать надо, предложение толковое. Буду в конторе — обязательно доложу.

Сумерки сгущаются, становится прохладно и сыро. Мы делаем костер пожарче, придвигаемся ближе к огню. Я собираюсь попросить Золотавина рассказать что-нибудь «на сон грядущий» из его натуралистических наблюдений, как вдруг вздрагиваю от жуткого дая. Лай несется с ближнего косогора.

— Кто это?

— Козел пугает, — спокойно отвечает охотник. — Под собаку подстраивается. Это у него такой способ самозащиты — пугать. Почуял нас, рассердился — вот и загавкал. От страха, конечно. Сам, поди, сейчас уже за седьмую гору скачет. Бояливый зверь.

— А какой, по-вашему, самый храбрый?

— Заяц, — серьезно отвечает охотник. — Да, да, не улыбайтесь. Вот какой случай произошел однажды со мной. Было это как-то по первому снегу. Днем. Стою у костра, греюсь. И вдруг — что это? — заяц подле ног проскакивает и замирает между мной и костром. Столбиком! Я так и опешил. Оглядываюсь, а сзади рысь стоит. Я как гаркну на нее, а она желтой молнией от меня, только ее и видел. А заяц посидел, посидел у костра и легонько так, без спешки, без страха всякого скок-поскок и пропал в подлеске. Чудеса, да и только! Ну ладно, поболтали, пора и спать. Завтра с утрачка пораньше на озеро двинемся.

Утро. Мы идем густым словым молодняком. Сквозь его колючий лапник проглядывает розоватое небо. Неожиданно ельник расступается, и я даже вскрикиваю: до того необычная и поразительная картина открывается моим глазам.

Снежные шапки величественных гольцов, разноцветные утесы, изумрудные кедровые и розовый ситец неба — все это перевернулось вниз головой и неподвижно покоится на гигантском зеркале озера, лежащего между крутых каменистых гор.

— Почему же его Черным называют? — невольно удивляюсь я. — Этому озеру больше подошли бы такие эпитеты: радужное, зеркальное.

— Это оно в ясную погоду так выглядит, — отвечает Золотавин. — А в ненастье оно черное, как гудрон. И злое — будто в нем сам черт сидит. Ветер подует — волны в рост человека встают.

Сейчас на озере покой и тишь. Слышно, как вдали крикают невидимые утки да картавят в кедровых кедровки. Эти же самые звуки, наверное, раздавались здесь и сто, и тысячу лет назад, отчего озеро кажется царством самой вечности.

Золотавин подводит нас с Костей к лодке, предлагает покататься по озеру. И скоро мы уже плывем. Вода в озере до того прозрачна, что кажется, ее вовсе нет, а мы плывем на лодке по воздуху. Плывем над камнями, водорослями, над косяками рыб, которые нас совершенно не боятся.

Вдруг дно круто уходит куда-то вниз и становится невидимым. Золотавин указывает рукой в сторону. Я поворачиваю голову — и замечаю огромный косяк крупной рыбы.

— Сиги, — шепчет охотник. — Здесь их тонны и тонны. Чем не клад, а?

Он встает в лодке во весь рост и, глядя по сторонам на тайгу, на горы, на озеро, произносит так, словно с кем-то спорит:

— Не-ет, ребятки, есть, есть еще в нашей тайге клад. Не иссякли. И они будут вечно, если, конечно, мы их станем хранить и беречь.

Восходит солнце, озеро становится еще красивее, вокруг все оживает. Над водой то и дело пролетают стаи уток. На мыске, в кустах таволги, пьют из озера маралиха с теленком. Серебристая выдра катится на брюхе по скользкому камню в воду. Кругом живые клады.

«Да, богата саянская тайга, — думаю я, — велики ее клады, и они не иссякнут, пока их хранителями будут такие рачительные и умелые люди, как охотник Золотавин и школьник Костя».

А солнце поднимается выше и выше, обещая Западным Саянам погожий день.

И. Пономарев
Фото В. Опалина

ИСТОЧНИК СИЛЫ И БОГАТСТВА

Земля — это бесценное народное богатство. И мы обязаны беречь ее, повышать продуктивность, добиваться все большей отдачи с каждого гектара.

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на торжественном заседании в Алма-Ате, посвященном 20-летию освоения целины.

В далекие древние времена человек жил в ладах с природой. Конечно, он вырубал деревья и охотился на животных, но работу хорошо отлаженного природного механизма не нарушал. Растения, животные, микробы, приземная атмосфера, подпочвенные воды и почва — вот части того механизма, которые в течение многих тысячелетий сработались друг с другом. Человек и сам был членом великого содружества.

Однако позже, когда люди начали распахивать земли и разводить животных, мир с природой был нарушен.

Древние скотоводы хотели получить больше мяса, шерсти, молока. Они умножали стада, расширяли пастбища. Так постепенно были уничтожены травы и даже дернина почв в районах Средиземного моря, Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии. Незащищенная растениями почва выдувалась и распылялась. Возникли движущиеся пески: дюны, барханы. Песок стал наступать на города и поселки, засыпая колодцы, поля, дороги.

Что же безвозвратно потеряли люди, нарушив природное равновесие?

С лица земли полностью исчезли 150 видов зверей и птиц. Это большая потеря для биологической науки и сельского хозяйства. Ее последствия трудно сейчас предугадать. Еще больше пострадали от неразумной деятельности человека почвы!

В почве находится половина живого вещества суши. В ней аккумулируется энергия, которую улавливают растения с помощью фотосинтеза. Накапливаются многие химические элементы, дающие жизнь растениям, — углерод, фосфор, азот, кальций, калий, магний и другие. Дожди, которые проливаются на землю, пропитывают почву влагой, которая собирается в реки. Почва — вечный очиститель и нейтрализатор загрязнений, возникающих в результате человеческой деятельности.

Таковы свойства почвы. Можно уверенно сказать, что почва и микроорганизмы, живущие в ней, создают условия для жизни человека: чистую воду, привычный для нас состав воздуха и пищи. Теряя почву, мы теряем ценнейшее достояние природы.

За последние сотни лет громадный ущерб нанесла почвенному покрову бесплановая индустриализация.

Строительство крупных плотин и водохранилищ также приводит к потере ценных почв — затопляются плодородные пойменные террасы.

Ежегодно во всем мире добывается 5 миллиардов тонн полезных ископаемых. И опять страдает почва — на ней лежат отвалы пустой породы. В почву уходит 32 миллиарда кубометров вредных промышленных вод, на ней оседает 250 миллионов тонн пыли, 70 миллионов тонн ядовитых газообразных веществ. Губят ее покров радиоактивные вещества. Правительству США во многих местах приходилось вывозить зараженную почву и заменять новой.

Сколько же земли, пригодной для сельского хозяйства, потеряло человечество за все время своего существования? 20 миллионов квадратных километров! Это намного больше площади пахотных земель, которыми сегодня располагают земледельцы.

Потери сельскохозяйственных угодий продолжают. Почва размывается, выдувается сильными ветрами, загрязняется. Ее захватывают нефтепромыслы, рудники, шахты. Ежегодно на этом люди теряют 5—6 миллионов гектаров почвы.

Население Земли непрерывно и быстро растет — каждый год людей становится больше на 75—80 миллионов. Для подрастающих поколений необходимо строить дома, магазины, заводы, кинотеатры, прокладывать дороги, тянуть линии электропередачи. Подсчитано, что каждому вновь родившемуся человеку приходится в среднем отводить по 0,1 гектара земли. В общей сложности это составит 7,5—8 миллионов гектаров в год, которые можно считать потерянными для сельского хозяйства. Итого: ежегодные потери почвы во всем мире равны 12,5—14 миллионам гектаров.

В Советском Союзе забота о природе является государственным делом. Недавно Центральным Комитетом КПСС и Советом Министров СССР было принято постановление об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов. Большое внимание в этом постановлении уделено защите почв и правильному использованию земель. Земля — это источник силы и богатства.

Одна из главных мер в борьбе за сохранение и улучшение почвенного покрова — мелиорация, что в дословном переводе означает улучшение.

Мелиорация — это не одно какое-то мероприятие, а целая система воздействия на почву. Гидротехническая мелиорация — орошение и осушение. Химическая — внесение извести, удобрений, гипсование. Снегозадержание, защитные лесные полосы — это тоже мелиорация. Когда на почву воздействуют каким-либо одним способом, то часто это не приносит успеха. Иногда это даже вредит.

Чтобы добиться успеха, необходимо влиять на все компоненты почвенного покрова: рельеф и микрорельеф местности, грунтовые и подземные воды, геохимический и водный баланс местности, приземный и почвенный климат. Особенно важны мелиоративные работы для нашей страны. Примерно две трети территории Советского Союза находятся либо в холодных, либо в засушливых областях. Но это не бесплодные земли, а земли, которые требуют заботы и хорошего ухода.

Примером комплексной мелиорации может служить освоение Голодной степи. Сначала по ней пролегали кана-

лы. И в сухие земли пришла вода. Началось орошение. Избыточная вода и соли отводились по дренажной сети. Минеральные соли, которых было много в такой воде, могли повредить почвенному покрову. Мало того, земли Голодной степи время от времени промывали, чтобы окончательно избавиться их все от этих же солей.

Дренаж и промывка спасли Вахшскую долину. В первые послевоенные годы концентрация солей в почве превышала норму в 30—40 раз. Сейчас Вахшская долина — цветущая земля, солончаков там нет. Один-два засоленных участка решено сохранить как заповедник.

100 миллионов гектаров занимают в нашей стране болота и заболоченные земли. Только в европейской части СССР их больше 20 миллионов гектаров. Это земли Полесья, северных областей РСФСР. Заболочены дельты рек Днестра, Кубани, Амударьи. Все это резерв для будущего земледелия.

Советский опыт доказал, что при правильном осушении и научном ведении сельского хозяйства на увлажненных землях можно собирать высокие урожаи зерновых, льна, картофеля. В украинском Полесье за 5 лет производство зерна выросло в 1,7 раза, овощей — в полтора раза, зеленых кормов — 1,6 раза.

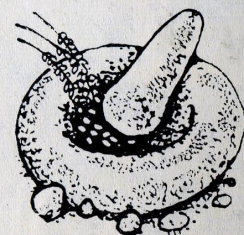
Высокие урожаи собирают с пашен, которые разбиты на месте осушенных водоемов в Прибалтике и на бывших болотах Колхиды. В бывших пустынях Узбекистана зреет «белое золото» — хлопок. В речных долинах и дельтах Амударьи, Кубани раскинулись поля риса. Так труд земледельца превратил бесплодные земли в плодородные.

Специалисты утверждают, что в будущем бесплодные территории вообще исчезнут. Надо только, чтобы человек сумел найти к ним свой индивидуальный подход. Ведь каждая область неповторима и требует специального изучения. Скудные пустыни и полупустыни Арало-Каспийской низменности дают и могут давать еще больше ценного растительного сырья для химико-фармацевтической промышленности. На этих же землях хорошо развивается овцеводство. Неприветливая тундра кормит миллионные стада оленей. Все земли: речные поймы, овраги — могут служить людям, необходимо только как следует изучить их и ухаживать за ними.

Уже сейчас земледельцы получают с некоторых участков двойные урожаи, а впереди стоят новые задачи.

Почвы отзывчивы на хорошее отношение к ним, они сторицей вознаграждают заботливого человека.

В. А. Ковда,
член-корреспондент АН СССР

Тени вечера сгущаются,
Воздух влажен и душист,
И росой умывается
На деревьях каждый лист.

Птицы в гнезда схоронились,
И у берега реки,
Чуть мерцающая, засветились
По деревне огоньки.

Спиридон Дрожжин

На заре

С вечера мне не удалось добраться до лесного кордона. Дойдя до речки, я умылся, напился и устроился на ее бугристом плесе среди могучих елей и сосен на ночлег.

Проснулся я от утренней прохлады и, как зачарованный, стал смотреть сверху вниз. Лесная речка дымилась. Плотный над водой туман редел, поднимаясь ввысь, разрывался, и тогда открывались то могучие сосны, то задумчивый ивняк у самого берега противоположной стороны речки.

Вставало солнце, и в удивительной тишине утра казалось, что все вокруг тихонько звенит: травы, капли росы на черничных кустах, розовеющее небо.

Я стал смотреть на прибрежные ивняки противоположного берега. И вдруг... Среди темной зелени я различил рыжую шерстку, настороженные ушки и темные глаза лисицы. Зверек прильнул к воде, снова насторожился. Нет, опасность не грозила. Лисица тоненько твякнула, и почти тотчас же рядом с ней бесшумно возникли еще трое зверьков. Толкаясь, они окунали в речку острые мордочки, шумно прихлебывая, утоляли жажду. Мать нервно поводила ушами, охраняя их. Потом лисята исчезли, а за ними и сама мамаша.

«Лесной водопой», — мелькнуло у меня в голове.

Я огляделся вокруг. Земля обретала свои дневные краски: зеленые, синие, желтые. Туман уже почти исчез, и только неуловимый розовый отсвет по-прежнему лежал на всем, напоминая мне, что час еще ранний и надо хранить тишину.

Вдруг на том же берегу хрустнул сук и показалась голова лосихи. Она остановилась, повернув голову на чуть заметный ветерок, потянула носом прохладный воздух. Рядом появился лосенок. От росы он весь блестел и казался шоколадного цвета. Мать, нагнув голову, начала шумно втягивать в себя воду, а лосенок ткнул мать в бок и стал посасывать молоко. Мать часто подымала голову и прислушивалась, раздувая ноздри. Но все было спокойно.

А. Арсеньев

Где боровики лето встречаются

Перволетье. Зацвел шиповник. Начала колоситься рожь. Стоило прошуметь буйному грозовому дождю-проливню, и в лесах появились первые грибы — колосовики. Правда, попадаются они редко, зато уж не какие-нибудь козявки, моховики, сыроежки, а толстые, белоногие, в жаристых шляпах боровики.

Положить гриб-боровик в лукошко каждому грибнику любо-дорого. И вот не успели еще брызнуть в лесные потемки лучи утреннего солнца, а я уже брожу по бестропью затаенных чащ. Заглядываю под мохнатые ветви елок, осторожно ступаю среди плачущих берез. Из дремучего бора перебираюсь в светлые березняки, оттуда через овражек попадаю в глухой дубняк.

В поисках грибного счастья я плутаю в чащобах час, второй, третий. Куда ни ступи — цветов море, птичьего звона да пересвиста тоже хахает, а грибов нет.

— В чем же причина? — рассуждаю я сам с собой. —

Рис. И. Кошкарёва

Фото А. Маркова
и А. Чиркова

На исходе лета в этих местах боровики хоть косой коси, а сейчас один старый подберезовик попался.

Переправившись через живун-ручеек, выхожу на затравенную лесную дорожку. И тут неожиданно-негаданно встречаю бабу Матрену из соседнего села. В одной руке она несет пучок каких-то целебных трав, а в другой полную корзинку белых грибов.

— Доброе утро, бабушка! — сказал я, не сводя удивленных глаз с ее корзинки.

— Здравствуй, голубок, здравствуй! — ласково ответила старушка певучим голосом. Глянула в мое лукошко и сокрушенно покачала головой.

— А где же вы их столько насобирали? — в недоумении пожал я плечами.

— Да вот хожу-брожу по заброшенным тропкам-дорожкам, а они со мной словно в прятки играют. Одного-то быстро углядишь, зато другой так в траве спрячется, так в листочках ухоронится, что днем с огнем не сыщешь.

— Боровики на дорогах? — с недоверием уставился я на бабу Матрену. — Ничего не понимаю!

— Боже мой! — осветилось ее морщинистое лицо кроткой улыбкой. — Тут же понимать нечего. Разве ты не разумеешь, что на лесных дорогах и земляца солнышком пропекается и после дождика воды там больше остается? Так вот теперь, когда в лесу еще свежо, прохладно, первые боровики, колосовички-то, и выскакивают целыми семейками на дорожные обочины да на солнечные полянки, чтобы красное лето встретить. Встретят его. На солнышке прогреются, под дождем обмоются, а потом уж побегут по всем лесам до самой осени.

Баба Матрена была права. К полудню я принес домой почти полное лукошко отборных боровиков. Они действительно росли на лесных дорогах.

П. Стефанов

Сухопутная ряска

Иду, задумавшись, хвойным лесом. В поле, на солнце, душно, а здесь, в еловом сумраке, хорошо. Влажно и прохладно. Легко.

С высокого холма, поросшего огромными седыми елями, лесная тропинка круто обрывается в широкий распадок.

Шагнул я несколько шагов по распадку и в страхе остановился. Замер. Под ногой сухо. Тропинка торная, а шагнуть дальше страшно. По всему распадку густые заросли ряски, а между ней, в редких просветах, полыньях, голубеет чистая вода!

Но почему она здесь такая голубая-голубая? Болото ведь! Вода темной должна быть.

Делаю еще несколько осторожных шагов — сухо. Опять замираю удивленный. Затем склоняюсь в изумлении и внутренне улыбаюсь.

Выдумал ряску на сухом месте! Ведь это же сплошные заросли обыкновенной кислицы, заячьей капусты по-народному. А нежная голубизна воды в редких полыньях-разводьях — рыхлые метелки цветов вероники.

Улыбнулся я еще раз, да и двинулся себе тропинкою дальше.

А. Рыков

Рука друга

Елочка поселилась у дороги в ольховнике. Ольхи росли тесно, густо и были злы друг на дружку и на дикий хмель, что витками оплетал их снизу доверху. Сначала ольхи не обратили внимания на зеленый ершик. Наверное, так рассудили: зачахнет. Но елочка укрепились и пошла тянуться вверх, красивая, как стрела. Теперь уже все соседки заприметили ее и обозлились: нам самим не хватает места, а тут еще эта колючка откуда-то взялась.

И стали выживать. Ольха слева нарочно уронила толстую сухую ветку прямо на вершинку, ольха справа сунула в середку, в грудь елочке, сук, острый, как штык, а другие деревья сговорились закрыть от нее солнце.

Скосочилась елочка, от гнета соседей стала грустной. Но упорствовала. Упорствовала и жила надеждой: авось выручит неведомый друг. Ветер не помог. Птицы пролетали мимо. Приходили и уходили равнодушные туманы.

Был солнечный день. Светло-желтые пятна шевелились на лесной дорожке. Я шагнул в соседнюю деревню. И увидел елочку. Она поразила меня своей беззащитностью и наивностью, а может быть, еще и смелостью — одна жила в ольховнике. Подошел ближе и охнул: как они тебя! Надобна срочная подмога. Снял с вершинки ветку, вынул сук, коловший елочку в грудь, и отломил его, отвел в стороны две ветки, грозившие зажать вершинку. Сказал:

— Дыши. Живи. Я к тебе еще наведуясь.

Через неделю шел той же дорогой, обрадованно вспомнил о елочке и прибавил шаг. Еще издали увидел ее: стояла в зеленой юбочке, свободно раскинув ветви. И была она такой веселой, что и самому захотелось улыбнуться.

В. Бочарников

Люди рады лету, а пчела цвету

На всякий цветок пчелка садится, да не со всякого цветка поноску берет.

Где цветок, там и медок.

Жалит пчелка — жаль меду.

Ни пчелы без жала, ни розы без шипов.

И сладок мед, а в жар киснет.

Без матки рой не держится.

Не жужжит пчелке в ненастье.

Перед дождем пчелы не летают

далеко от улья, а перед хорошей погодой летят стаями в поле.

С раннего утра пчелы отправляются за добычей — будет хороший день.

Тебе, следопыт

В нашем конкурсе приняли участие больше двух тысяч таких, как ты, любознательных и пытливых. Сегодня мы называем имена победителей:

Сергей Акиншин (Якутская АССР), Володя Богданов (г. Калуга), Андрей Виноградов (г. Калинин), Саша Глухов (Московская область), кружок «Охрана природы» (школа № 25, г. Нижний Тагил), кружок «Природа родного края» (г. Кеморова), Сергей Ляшенко (Ленинград), Наташа Марченко и Алла Тамашюнайте (г. Минск), Оля Непомнящева (г. Барнаул), шестиклассники средней школы № 1 (г. Александровск Пермской области), юнаты областной станции юных натуралистов (г. Саратов).

АЗБУКА народной мудрости

При приближении грозных туч пчелы не прячутся, а продолжают свою работу — дождя не будет.

Пчелы вылетают из улья и скучиваются на его стенке — к сильной жаре.

Пчелы утром играют — будет ясный день.

Пчелы поздно вечером возвращаются в улей — к дождю.

Пчелы толкуются — к ненастью.

Пчелы сильно жужжат в улье — к дождю.

Перед засухой пчелы становятся злее, жалят.

Начинается лето — самая благодатная пора года. Просторные дни все ширятся, а ночи совсем сходят на нет. Июнь-светлояр богат и теплом и светом. Оттого-то так быстро отрастают травы, починая роскошь цветенья. Полным листом шелестят деревья, отбрасывая долу густую тень. Уже зацветают калины, так характерные для русского подлеска. В садах обрядилась в желтый наряд акация, вот-вот распустит пышные розы и иглистый шиповник.

У многих певчих птиц вывелись птенцы. Сотни раз в день подлетают пернатые родители к гнезду: выводок надо и питать и согреть. Вот птицы и в хлопотах с рассвета до заката. А птенцы кричат, верещат, беспокоятся. Особенно крикливо потомство большого пестрого дятла.

Беспрерывно рассыпаются отрывистые звуки из дупел старых деревьев, будто кто позывные шлет. Временами головастые птенцы высываются наружу, дескать, где же кормильцы запропалились.

Июнь не зря величают месяцем тишины. Всем посетителям леса в эту пору надо вести себя особенно осторожно и аккуратно. Ведь гнезда с птенцами не только в дуплах, а и снаружи. Многие фоновые птицы — слышимые повсюду — устраивают свои домишки в кустарниках или просто на земле.

Прогреваются толщи вод. На отмелях гульливо снуют молодь рыб, набираясь здесь питательного корма. В излуках и затонах поднимаются плотные заросли рогаза, сусака и белокрыльника. Побережья украсились метелками осок и розовеющим гравилатом, местами сырые луговины подернулись голубизной незабудок.

В июне фенологи замечают:

Последний заморозок на почве. Судят о нем по наличию инея на поверхности почвы: последний иней — последний заморозок.

Колошение ржи. Наблюдают, когда у растения из-под покрытия верхних листьев покажутся первые колосья. Массовое колошение — появление колосьев на большинстве развитых стеблей.

Зацветание боярышника. Помечают день, когда начинают раскрываться обнаженные бутончики.

Начало цветения тысячелистника. Цветки собраны в корзинки, составляющие густые щитки.

Появление всходов картофеля. Хорошо видны над почвой темно-зеленые листья.

Зацветание озимой пшеницы. Отмечают появление первых пыльников снаружи колосьев.

Созревание плодов лесной земляники. Ягоды становятся красными, душистыми, сочными.

Начало цветения зверобоя. Цветки желтые, собраны в щитки.

Июнь на дворе. Внимательно следите за ходом фенологических явлений у всех выбранных вами животных и растений. Ведь в нашем деле летом час упустить — годом не наверстаешь.

А. Стрижев

ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

Около розовых головок клевера, белых корзиночек ромашки, фиолетовых кистей мышиного горошка легким золотистым облачком качаются соцветия подмаренника настоящего. О нем сегодня и пойдет речь.

Растение это относится к семейству мареновых, которое знаменито кофейным и хинным деревьями. Но и маленький подмаренник очень давно используется человеком. Раньше из его корней добывали красную краску (крап), а из цветков — желтую (ей подкрашивали сыры). Хозяйки использова-

ли подмаренник для свертывания молока, поэтому ему дано латинское ботаническое название Галиум (от греческого слова «гала» — молоко) и народные русские названия сыворотень, сычужник. В некоторых областях подмаренник настоящий считался лекарственным растением. Кроме этого вида, в СССР встречается еще около 90 видов подмаренников. Растут они на лугах и полях, в лесах, болотах и на горах. Наш подмаренник предпочитает луга. Расселен он полосой от Атлантического океана до Тихого, заходит и в Северную Америку, то есть растет кольцом вокруг Северного полюса (циркумполярно).

Вид этот неоднороден на протяжении своего громадного ареала (области распространения): например, в Сибири чаще, чем в Европе, будут встречаться растения с опушенными плодиками, широко раскидистым соцветием, слабо завернутыми края-

ми листьев, а в Подмоскovie чаще встречаются у растений голые плодики, плотное соцветие, сильно завернутые края листьев. Но сочетаний признаков может быть бесконечное количество — не счесть всех этих форм. Такая изменчивость отражает внутреннюю неоднородность вида, его реакцию на меняющиеся условия окружающей среды. Наивно думать, что все растения одного вида — копии типового экземпляра, по которому вид описан. Вот было бы интересно сравнить подмаренник из Белоруссии, Подмоскovie, Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока! Может быть, тогда стали бы ясны причины его изменчивости.

Устроен наш подмаренник довольно просто, он как будто чувствует особую привязанность к цифре 4. Стебель у него четырехгранный, листья собраны кольцами (мутовками) вокруг стебля по 8—12, но

бывает и по 6—10—14. Чашелистиков в цветке вовсе нет, а венчик из 4 сросшихся основаниями лепестков, тычинок 4. И только пестик отступает от «правила 4» — он один с двумя рыльцами, а после цветения здесь образуется двойчатый плодик.

Ярко-желтая окраска и сильный медовый запах цветков привлекают внимание насекомых. Подмаренник — хороший медонос, поэтому и называют его в некоторых областях медовой травкой, медвяницей, медвянкой, желтой кашкой, рай-зелем. Случается, что настоящий подмаренник скрещивается с другими видами, но обнаружить такое потомство очень трудно. Гораздо легче и интереснее наблюдать изменчивость внутри вида — часто встречаются удивительные растения, а все вместе они дают картину живого изменчивого вида. Так ведь бывает не только у подмаренника.

БАРСУКИ ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ

Я мечтал стать охотником, когда учился еще в пятом классе. Правда, ружья у меня не было, и я ходил в лес просто так: посмотреть и послушать. Если идти осторожно, не шуметь, чтобы под ногой не хрустнула ни одна веточка, увидишь и услышишь много интересного.

Каждый лесной поход дарил мне какие-то новинки. То наблюдаешь за рябчиком, который, приподняв хохолок, бежит по лесной прогали-

не, то заметишь гнездо с птенцами и дожидаясь, пока родители прилетят с кормом в клюве, то любишься на белку: сидит с еловой шишкой в зубах на сучке и сверху поглядывает на тебя.

Один раз, проходя краем лесного оврага, я услышал странный звук. Кто-то тьякал тоненьким голосом. На склоне оврага виднелся свежий песок, чернели отверстия нор. У одной из них стоял малень-

кий лисенок, смотрел на меня и тьякал. Я поскорее присел, прислонился спиной к дереву и стал наблюдать. Вскоре появились еще три лисенка. Это были уморительные детеныши — большеголовые, с торчащими ушами и тоненькими хвостиками. Они гонялись друг за другом, хватили один другого зубами, сердились, урчали. Потом появилась старая лисица с белкой в зубах. Какая тут началась свалка!

Я сидел у нор до позднего вечера. На другой день я снова пришел на это место, уселся под деревом и сидел тихо, не шевелясь, но лисят и след простыл. Должно быть, мамаша почуяла опасность и увела свой выводок в другое место. Зато я увидел нового зверя. Когда стали сгущаться вечерние сумерки, в одной норе появилось белое пятно, показалась остроносая голова с белыми щеками. Это был барсук. Перед тем как выйти из норы, он принюхивался, прислушивался — нет ли опасности. И тут случилось совсем неожиданное. Прилетела большая сова и уселась на сучок как раз надо мной. Она заметила меня и, видно, заинтересовалась. Спустилась на сучок пониже.

Я не выдержал, захлопал в ладоши. Сова унеслась бесшумным ныряющим полетом, барсука и след простыл.

Как я узнал позже, хозяевами нор, оказывается, были не лисицы, а барсуки. Только они умеют рыть такие глубокие норы. Лисица же у них вроде квартирантки. И совсем неверно, что она выживает барсука из норы. Звери эти уживаются вместе. Должно быть, барсук уступает лисице свободный отнорок.

Барсучьи норы — сложное сооружение. Они занимают площадь до 19 кубических метров. А длина с отнорками и тупиками бывает от 35 до 80 метров. В пяти-десяти метрах от входа звери устраивают гнез-

довую камеру. Осенью они натаскивают туда опавшую листву для подстилки, входы изнутри заделывают сухой травой и листвой.

Жилище свое барсук устраивает только в сухих местах, прикрытых сцементированным, водонепроницаемым слоем земли. Такие места встречаются нечасто. Это одна из причин, что барсуки обычно немногочисленны и селятся колониями. Поздней осенью барсук ложится в спячку и до весны обычно не показывается на поверхности.

С тех пор прошло много лет. Я стал лесничим. И вот как-то у нас случилась беда. В лесу появилась армия личинок майского жука. Четыре года живут они в земле. Нежные корешки молодых деревьев для них прямо лакомство. За годы войны подмосковные леса сильно пострадали от самовольных рубок, образовались редины, прогалины. А изреженный лес — самая подходящая среда для этих насекомых. На одном квадратном метре мы находили по 30—50 личинок. Сохранить молодые посадки было очень трудно. Чего только мы не делали: перед посадкой опудривали и опрыскивали корни сеянцев разными химикатами. Зная, что личинка не любит черный пар, старались почаще рыхлить междурядья в посадках, выпалывали сорняки. Применяли и биологические способы борьбы: привлекали в лес скворцов, галок, всячески оберегали грачиные колонии и гнездовья речных чаек. Конечно, это помогло. Поселившиеся в наших дуплянках скворцы приносили своим детенышам много майских жуков. Они даже перестали летать за кормом в поля, охотились тут же, в лесу.

Но птицы подбирали лишь то, что находили на поверхности. А ведь личинка майского жука живет в земле, совершая там свои опустошительные набеги. Тут я и

вспомнил о барсуке. По наблюдениям советских зоологов, в Татарии, в сосновых молодых лесах, эти звери уничтожали до 75 процентов личинок майского жука. Такой же успешной была охота барсуков и в Бузулукском бору. Оказывается, зверь не любит разнообразить свое меню. Когда личинок майского жука много, он питается главным образом ими. В желудке барсука находили по 500 этих насекомых.

Грачи, скворцы, галки хватают личинки вслед за трактором, а барсук сам себе трактор. Он вспахивает землю по лесным редицам, среди пней, где трудно пройти трактору. Вот кого хорошо иметь своим союзником! И поручил я лесникам проверить все существующие в нашем лесу старые барсучьи колонии. Сведения поступали самые неутешительные. Почти все норы разрушены охотниками с норными собаками. Барсук в наших лесах стал редким зверем. Его жилища или пустуют, или заняты лисицей и енотовидной собакой.

Все признают, что барсук очень полезный зверь, и охота на него почти повсеместно запрещена. Почему же его становится все меньше и меньше? Оказывается, дело вот в чем. На лисицу и енотовидную собаку охотиться разрешается, а эти звери часто живут вместе с барсуками. Охотник пускает в нору фокстерьера или лайку и ждет, пока собака выгонит зверя. Хорошо, если в норе лисица или енотовидная собака. С ними опытный фокстерьер легко справится. А если в норе барсук, дело принимает другой оборот. Этот зверь отчаянно обороняется, упорно защищает свое жилище, может и поранить собаку. Выгнать барсука из норы удастся редко. Засев в одном из отнорков, он стоит насмерть. Но и у фокстерьера упорный характер — нипочем не отстанет от зверя. Охотнику ничего не

остается, как раскопать нору, чтобы выручить своего помощника. Разрушенное жилище барсук обычно покидает. А ведь норных собак в последнее время развелось очень много. В одной Московской области на каждого уцелевшего барсука приходится по две собаки.

И все же в лесу должны водиться дикие животные. Без них какой же это лес? Правда, барсука встретишь редко. Это не лось, не козуля. Днем он спит, а ночью, когда бродит, его никто не видит. Если самого зверя и трудно увидеть, то его норы украшают леса, придавая им таинственность и загадочность.

И мы решили вернуть в наш лес исчезнувших барсуков не только потому, что они полезны, но и как декоративные животные. Есть такая организация — «Зооцентр». Она занимается отловом зверей. Мы попросили доставить нам барсуков и через некоторое время получили извещение, что для нас пойманы самец и самка. Можно было бы выпустить зверей в лес сразу, но уже кончалось лето, и мы забеспокоились: запаслись ли барсуки всеми необходимыми веществами для зимней спячки. Может, лучше зиму поддержать их в неволе? Так и сделали. Барсуки всю зиму бодрствовали. Их кормили вареным картофелем и перловой кашей. Они охотно ели мелкую рыбешку, которую им приносили наши рыболовы. Выпустили мы новоселов в том месте, где раньше была их колония. Ведь когда-то звери нашли, что это место отвечает всем их требованиям. Стоило раскрыть дверцы клетки — и барсуки один за другим юркнули в нору. Заброшенная колония вскоре приняла жилой вид. В отверстиях нор исчезла паутина, у входов появился свежий песок и наметились охотничьи тропинки. Барсуки вернулись домой.

В. Барков

РАЗНОЦВЕТЬЕ ИЮНЯ

Колокольчик сборный

Всего на земле около 300 разных видов колокольчиков, половину из них можно встретить в Советском Союзе. Все они травы. На горах и равнинах, в лесах, лугах, полях и тундре — везде появляются летом их голубые цветки, висят на тоненьких ножках как маленькие колокола. И кажется, что тихий шелест и звон луга идет от них. В этих поникших колоколах всегда бывает немного теплее, чем в

окружающем воздухе, поэтому многие насекомые в них ночуют или прячутся от непогоды. Но растет у нас и колокольчик сборный (приточная трава), у которого цветки открыто смотрят вверх. От всех голубых и синих братьев он отличается цветками, собранными в головку и несколько пучков на верхушке стебля, поэтому он и назван сборным. Цветки этого растения имеют устройство, типичное для всех колокольчиков: 5 чашелистиков, 5 лепестков, 5 тычинок и 1 пестик. Чашелистики,

срастаясь, образуют зеленую чашечку, а срастание 5 лепестков дает колокольчатый пятизубчатый венчик. Срастание идет и дальше: чашечка и венчик срастаются с завязью, покрывают ее со всех сторон; возникает так называемая нижняя завязь.

Цветки колокольчика интересны разнообразным созреванием в них тычинок и пестика. Это приспособление к перекрестному опылению часто встречается среди растений. У сборного колокольчика — классический случай такого приспособления. Длинные тычиночные пыльники образуют в бутоне трубочку, внутри которой проходит, не касаясь их, пестик. С раскрытием цветка пыльники съеживаются, и высыпается желтая пыльца — тычинки уже созрели. Пестик раскрывает свое рыльце гораздо позднее, лишь через несколько дней, когда вся пыльца уже выпала. Поэтому на него попадает только пыльца с других цветов, принесенная пчелами. Плод сборного колокольчика —

коричневая коробочка, торчащая прямо вверх. Она не растрескивается и не открывается крышечкой. Легкие семена высыпаются через небольшие дырочки, темнеющие около основания коробочки, — стоит только кому-то качнуть сухой упругий стебель... А вот у колокольчиков с поникшими цветками и коробочками дырочки на самой верхушке плода, но и отсюда семена высыпаются при малейшем сотрясении.

Брусника

Как же ты цветешь, брусника? Откуда берется твоя красивая ягода? Как раз сейчас, летом, ты покажешь, как это получается. В лесу, среди травы и мха, мы разыщем длинные тонкие стебельки с темно-зелеными кожистыми листьями, они перезимовали здесь, укрытые снегом. На этих прошлогодних ветвях висят сейчас грозди маленьких (до 6 миллиметров длиной) бело-розо-

вых цветков, а из них выглядывают кончики пестиков — совсем как «язычок» у колокольчика. По привычке все пересчитывать, мы обнаружим в цветке 4 или 5 розоватых лепестков, 4 или 5 маленьких зеленых чашелистиков. Они срастаются своими основаниями в два круга. А внутри этих кругов сидят 8—10 тычинок. Их пыльники вытянуты на конце в трубочку с отверстием наверху — отсюда, как из песочницы, высыпается созревшая пыльца, ведь цветки у брусники поникшие. Пылинки рассыпаются не по одной, а сразу по четыре вместе — тетрадами. Пестик с очень длинным столбиком и нижней завязью (чашечка и венчик кажутся расположенными выше ее). Насекомые, прилетающие отвесть брусничного нектара со дна цветка, прежде всего задевают пестик, оставляют на нем принесенную пыльцу, а затем уже натыкаются на тычинки и посыпаются новой пыльцой. У этих крупных посетителей хватает силы просунуть хоботок к нектару сквозь волоски на тычинках — защиту от мелких насекомых, которые не могут опылить цветок, но тоже ищут сладкий нектар. И вот после опыления завязь начинает толстеть и белеть, она разрастается в светло-зеленую ягоду, краснеющую с созреванием семян. Незрелая зеленая ягода очень твердая. При созревании начинают действовать вещества, разрушающие межклеточные связи, — ягода становится рыхлой, мягкой. В клеточном соке есть много органических кислот, предохраняющих ягоду от загнивания, поэтому они могут храниться очень долго.

Иван-да-Марья

Иван-да-Марью знают все. Эта небольшая травка часто растет по лесным опушкам и лужайкам, вдоль дорог и по берегам ручьев. Даже заглянув на болото, часто увидишь там яркие фиолетово-желтые соцветия. Научное название растения — марьянник дубравный. Вместе с ним часто встречается Иван-да-Марья без Ивана — марьянник луговой. В Прибалтике есть желто-фиолетовая Иван-да-Марья — это марьянник польский. Виды с розовым Иваном есть на Дальнем Востоке — марьянники розовый и щетинистый. У нашего обычного дубравного марьянника тоже иногда встречается розовый или белый Иван, в котором не хватает фиолетового красителя.

Все марьянники вместе с очанкой и погребком относятся к семейству норичниковых и ведут полупаразитический образ жизни. Хотя у них есть зеленые листья, при самостоятельном питании растения чувствуют себя плохо, остаются угнетенными, а питаются на корнях трав, они хоро-

шо развиваются и зацветают. Кормят полупаразитов чаще всего злаки. Весной проросток Иван-да-Марьи может некоторое время питаться сам, но на его корнях, лишь только они коснутся корней другого растения, образуются присоски, и марьянник начинает тянуть соли хозяина. У карпатской тощии (она тоже из норичниковых) паразитизм зашел еще дальше: проросток живет под землей, питаясь соком растения-хозяина, и лишь ко времени цветения появляются из-под земли тонкие стебли с желтоватыми листьями, расположенными в мутовках по четыре (крест-накрест), и мелкими некрасивыми цветочками. Иван-да-Марья часто разрастается на полянках большими группами, куртинами — и тогда уже не избежать столкновения с корнями соседа, поэтому часты марьянники паразитируют один на другом.

Желтый цветок (Марья) марьянника — с двугубым венчиком, сросшимся из пяти лепестков. Трубка венчика очень длинная, глубоко в цветке скрыт нектар. Поэтому опыляют цветки марьянника чаще всего шмели, которые могут своим длинным хоботком достать сладкий нектар. Все лето цветет Иван-да-Марья, старательно завязывая семена. А осенью, когда многолетники сбрасывают листья и прячутся под землю, марьянники, выпав семена, погибают, ведь все они однолетки.

Болотная незабудка

На влажных лужках и болотцах, среди узких листьев, злаков и осок, мелькают голубые цветки болотной незабудки. Иногда можно встретить травку и с розовыми цветками, еще реже с белыми. Такие находки кажутся странными, заставляют внимательнее приглядываться к цветкам: каких еще окрасок они могут быть? Посмотрим на незабудку поближе: на тонких стеблях сидят продолговатые нежные листочки, все растение мягкое от опушения, в соцветии-завитке несколько цветков и бутонов. У голубой незабудки бутоны бывают сначала розоватыми, потом появляется легкий фиолетовый оттенок, переходящий в голубизну раскрытого цветка. Смена окраски зависит от антоциана. Этот пигмент растворен в клеточном соке многих видов растений и дает гамму цветов от красного до синего. Конкретное его проявление зависит от реакции клеточного сока: если она кислая, то появляются красные тона, если щелочная — синие и голубые, если нейтральная — фиолетовые. У незабудки же по мере распускания цветка эта реакция меняется, поэтому меняется и цвет. Но встречаются такие незабудки, у которых совершенно нет антоциана, в то время как цветки белые. А если бывает случай постоянства кислой реакции клеточного сока — цветки остаются розовыми. Эти особенности отдельных растений передаются по наследству. Редкая находка куртинки белоцветковых незабудок сразу подсказывает, что все эти растения — дети белоцветковых родителей. Интересно, что у белых цветков остается в середине желтый круг, который всегда есть и в голубых цветках. Именно из-за этого «зрачка» цветки незабудки напоминают глаза.

Этот желтый круг, контрастирующий с голубыми лепестками, создан специально для насекомых. Он привлекает своих крупных опылителей, указывая им путь к нектару. Он же защищает внутреннюю полость цветка от проникновения мелких насекомых. Этот круг — чешуевидные выросты лепестков. Но почему здесь нет антоциана, отчего здесь желтый цвет? Этот цвет дают маленькие зернышки в клетках лепестков — хромoplastы. Вот если их не будет в клетках и не будет антоциана в остальных частях лепестков, тогда цветки окажутся совершенно белыми. Такие цветки чрезвычайно редки. А видели ли вы голубые цветки с белым, а не желтым «зрачком»? Это тоже большая редкость.

Вот сколько разных сочетаний и разных окрасок цветков может быть у незабудки, которой в норме положено всего две краски — голубая и желтая.

Липа мелколистная

Самая распространенная из лип Советского Союза — мелколистная. Она растет в смешанных лесах европейской части, Урала и Западной Сибири (до Иртыша). Кроме того, есть островки этой липы на Кавказе, в Крыму и в Сибири (в предгорьях Кузнецкого Алатау). Считается, что такое пятнистое распространение говорит о постепенном сокращении территории, занятой когда-то липой. Раньше она чуть ли не сплошь занимала Европу с Кавказом и Крымом и всю Сибирь. Когда же это было? Очень давно — в третичный период, около 30 миллионов лет назад, когда на этой территории господствовали широколиственные леса с кленами, дубами, буками и грабами. Пыльца всех этих деревьев найдена в геологических отложениях этого периода. Пыльцевые зерна липы очень своеобразны, они легко запоминаются и быстро узнаются среди другой пыльцы. Сейчас зона широколиственных лесов намного меньше, но некоторые из этих пород проникают далеко на север в смешанные леса — токовы, например, дуб и липа. Интересно, что они идут на север с целой группой полутравянистых — копытнем, снытью, ветреницами и другими травами. Все эти растения, тысячелетиями жившие рядом, не хотят, да и не могут расставаться, так и путешествуют все вместе.

Сейчас время цветения липы. На зеленых ветках деревьев тут и там видны светлые грозди душистых цветков. На оси цветения есть большой крыловидный прицветный лист. Он остается и после созревания семян. Это та самая крылатка, кото-

рая помогает созревшим плодам разлетаться подальше от дерева. Цветки липы с крошечными чашелистиками и чуть более длинными желтоватыми лепестками кажутся пушистыми от множества тычинок, расположенных пятью пучками вокруг пестика. Цветки не берегут свою пыльцу, они щедро раздают ее пчелам, жукам, бабочкам. Насекомые собирают и нектар. За короткое время три недели цветения липы с площади в 1 гектар дают около тонны нектара. Липовый мед самый вкусный и полезный. Но вернемся к цветку липы. Нам осталось рассмотреть в нем пестик, расположенный в самой середине. У дерева спармания, африканского родственника липы, пестик

очень чувствителен: если к нему прикасается подлетевшее насекомое, то сразу же начинают раздвигаться тычинки. У нашей мелколистной липы в завязи пестика 5 семязачатков, но после опыления семя дает только одна из них, отбрасывая остальные. Коричневые плоды, сидящие на месте цветков, опадают все вместе. Они перезимовывают, а весной из них появляются проростки с пальчато-лопастными семядолями. Трудно представить себе, что это проросток липы. Лишь позднее начинают появляться сердцевидные листья, по которым мы легко узнаем липу.

К. Глазунова

Шестиногие

агрессоры

Налеты саранчи издавна считались одним из самых страшных бедствий наряду с чумой и холерой, наводнениями и войнами. Полчища саранчи регулярно появлялись в южных районах царской России, оставляя после себя начисто съеденные поля, голодные деревни, отчаяние народа. Наладить сельское хозяйство без борьбы с этим злом было невозможно. Борьба развернулась, когда еще не отгремела гражданская война, а на юге разбойничали банды басмачей. Противосаранчовые отряды уничтожали в земле кубышки саранчи, осушали тростниковые заросли — места ее выплода.

Позже на помощь пришла авиация, была организована разветвленная сеть противосаранчовых станций, всегда готовых погасить вспышку до того, как разгорится пожар. Враг отступил. Саранча в нашей стране перестала быть бичом сельского хозяйства. Но окончательно сбрасывать врага со счетов еще рано. Так, в 1962 году армада пустынной саранчи, растянувшись широким фронтом на 160 километров, вторглась из Ирака и Афганистана на территорию нашей страны. Но и таким вылазкам приходит конец. В граничащих с нами на юге странах уже ведется активная борьба с саранчой, и немалая помощь в этой борьбе оказывается советскими специалистами.

Сухи и бесплодны пески Аравии. В небе звезды завершают свой путь, но на плоских унылых песках никаких перемен. Единственно, что может пробудить мысль о времени — пробивающиеся кое-где кустарнички: весной они становятся не такими желтыми и пыльными. Время от времени то здесь, то там на песке появляются беловатые червячки. Каждый червячок энергично извивается, шкурка на нем лопается, и на свет выходит бесцветное существо. Это личинки одного из видов саранчи. Пробы пять минут на свету, они приобретают легкую зеленовато-серую окраску и спешат спрятаться среди кустарников.

Жалкие кусты предоставляют им одно-

временно и кров и пищу. Питаясь их скудной листвой, личинки растут и становятся взрослыми насекомыми без крыльев. Крылья им совсем ни к чему: саранча эта, можно сказать, домоседка. Почти всю жизнь она скрывается в кустах, а став взрослой и отложив яички, умирает. Через некоторое время на песке опять появляются личинки — ее потомство, которому тоже суждено вести такую же незаметную, однообразную жизнь.

Из года в год цикл следует за циклом без всяких перемен. И вдруг однажды весенней порой (за несколько недель до этого выпали дожди) события принимают иной оборот.

На поверхности земли все так же появляются беловатые червячки, лопаются и превращаются в бесцветных крохотных личинок. Через две минуты они приобретают бледный зеленовато-серый цвет. А еще через две минуты происходит нечто чрезвычайное: положенный зеленоватый цвет переходит в бурый. Еще минута — и личинки уже почти черные. Теперь они начинают проворно двигаться и не в пример родителям вовсе не намерены робко таиться по кустарникам. Они быстро шагают навстречу друг другу и собираются в огромные стаи.

Энергия личинок поразительна. Однако в тот самый день перед закатом солнца их жизненная сила вдруг иссякает, и с наступлением сумерек уже как будто не остается сомнений, что все эти крохотные создания обречены на гибель. Они безжизненно лежат на земле, и самый легкий ветерок разметает их тысячами.

Но как только первые лучи солнца тронут землю, личинки оживают и вновь спешат навстречу друг другу. Через два часа все опять собираются вместе, отдельными большими кулигами. Если посмотреть на эти скопища вблизи, они не кажутся беспорядочным скоплением. Отдельные полки маневрируют очень согласованно. И хотя нет во главе громкоголосого командира,

каждый солдат воспроизводит в точности, не отставая ни на миг, движения своего соседа.

Войска уже на марше. Будто невидимый генерал следит за их передвижением и отдает команды, так как время от времени два сближившихся полка в несколько секунд перестраиваются, смешиваются и уже решительно идут единым строем, принимая то направление, в каком двигалась более многочисленная группа. Дивизия, словно магнит, притягивает другие полки и к концу дня уже становится армейским корпусом.

Письменные и устные сообщения поступают в центр по борьбе с саранчой: многочисленные скопления саранчи появились в Судане, на северо-востоке, востоке и юго-востоке Чада и в разных пунктах от Мавритании до Чада.

Борьба против этих орд ведется не всегда успешно, так как трудно определить места их распространения. С воздуха заметить саранчу почти невозможно, а наземным отрядам трудно искать наугад. Первые сведения всегда поступают от населения. Как только приходит сигнал тревоги, специальные машины отправляются распылять ядохимикаты. Местные жители используют и другие средства борьбы: сгребают саранчу палками на холсты, роют канавы и заполняют их горячей нефтью. Однако несметные полчища саранчи люди обнаруживают поблизости от населенных мест, когда они уже нанесли урон хозяйствам. Пешая саранча необыкновенно прожорлива и напориста, почти никакое естественное препятствие ее не остановит. Реки она одолевает вплавь, хотя всякий раз течение уносит тысячи насекомых. Иногда обильные дожди могут помешать передвижению саранчи и даже уничтожить ее совсем. Кроме того, эти огромные скопления постоянно осаждают хищные птицы, но все же серьезная угроза продолжает существовать. Наблюдения не прекращают-

ся. Самолеты и автомобили непрерывно ведут разведку, чтобы при первом же взлете окрылившейся саранчи обнаружить ее и остановить.

Армия саранчи продвигается со средней скоростью от пятнадцати до двадцати километров в день. Вечером она останавливается, утром снова пускается в путь. По мере ее продвижения происходит удивительный процесс: полки меняют цвет, каждый раз облачаясь в новый наряд: почти черный, светлый с желтыми крапин-

ками, зеленый, ярко-розовый. Свой окончательный желтый цвет саранча приобретает к концу жизни. Крылья развиваются, начиная с четвертой линьки. Все эти превращения лишь слегка замедляют марш насекомых. Тысячи армий более или менее яркой розовой саранчи движутся во всех направлениях по африканской земле, иногда фронтом в десять километров и больше.

Последняя линька, после которой полностью развиваются крылья, продолжительнее и труднее всех предыдущих. Каждое насекомое повисает на ветках кустарника, чтобы освободиться от оболочек. Насекомое выворачивает ее, как перчатку. Длинные крылья свисают вялыми придатками, потом расправляются и быстро твердеют.

Наконец саранча начинает шевелить ими, сначала неуверенно, потом все быстрее. Явно не сговариваясь, все насекомые сидят на земле, повернувшись в одну сторону. Некоторые начинают сильно трещать крыльями и подниматься в воздух. Вид летающей кругами саранчи возбуждает остальных, и от земли отрывается все больше и больше миниатюрных аэропланчиков. Тишину пустыни уже наполняет характерное потрескивание. Эскадрильи соединяются в огромный воздушный хоровод. И вот армия, в течение долгих дней шагавшая победно по земле, совсем преобразается, превратившись в тучу.

Будто река или широкая розовая лента взвилась вверх и, то растягиваясь, то сжимаясь, колыхается над землей, словно занавес. Несмолкаемый треск, настойчивая, неотступная дробь заполняет воздух. Туча перестает носиться кругами. Тень ее на желтом песке протянулась теперь ровной полосой. Саранча летит то на высоте двухсот-трехсот метров, то поднимается до тысячи или даже тысячи пятьсот метров и кажется лишь легкой дымкой на фоне голубого неба. Аисты, щелка клювами, хватают насекомых на лету, коршуны и другие хищные птицы врываються в их строй.

Вблизи взрослая саранча — настоящий дракон: размах ее крыльев двенадцать сантиметров, длина при сложенных крыльях семь сантиметров.

Среди туч саранчи самок больше, чем самцов, и они несколько крупнее и тяжелее. Но заметить это можно только во время их движения по земле. У каждой самки свой груз яиц. Огромное количество яиц откладывает она в песок. Операцию эту можно сравнить с промышленным бурением. Концом брюшка, снабженного особыми буравчиками, самки с силой упираются в землю, просверливают ход и постепенно погружают в него свое растягивающееся брюшко на глубину до десяти

сантиметров. Затем выпускают пенную жидкость, которая склеивает песчинки внутри пробуренной скважины и образует непроницаемую трубку — кубышку, куда самки откладывают яйца и закупоривают крышечкой из слизи. За один раз каждая откладывает от пятидесяти до ста яиц величиной с зернышко ржи и возобновляет кладку пять или шесть раз.

Идут дни. Миллионы яиц покоятся в песке под горами тел погибших родителей, разложившихся, а потом высохших и развеянных ветром пустыни. Через три или четыре недели из яиц выйдут крохотные бледные червячки.

...В 125 году нашей эры в римских колониях Киренаике и Нумидии голод после опустошительного налета саранчи унес 200 тысяч жизней.

Саранча относится к семейству саранчовых отряда прямокрылых. От кузнечиков, принадлежащих к другому семейству, ее отличают более короткие усики и еще некоторые особенности, в том числе и самая грозная: отчаянное вегетарианство.

Но что интересно. Русский натуралист Уваров, изучавший два вида саранчи — один оседлый, другой кочующий, отличные не только по образу жизни, но также по цвету и некоторым анатомическим особенностям, — заявил, что это одно и то же насекомое, которое претерпевает превращение или само, или в своем потомстве.

Эти загадочные превращения происходят у нескольких видов саранчи. Изучением схистоцерки специально занимался французский ученый Реми Шовэн. И вот что ему удалось установить на основании лабораторных наблюдений.

Оседло-одиночную зеленую саранчу поместили в стеклянный садок вместе со стадно-кочующей саранчой. Через несколько часов она стала желтой, как ее соседки, и у нее изменился нрав. Была она скромной и тихой, а стала напористой и прожорливой. Ученые приписывают это превращение «эффекту группы».

Как показывают опыты, превращение оседлой саранчи начинается оттого, что она видит или воспринимает усиками (если их срезать, то ничего не произойдет) движения своих соседей. Процесс такого превращения остается пока еще довольно загадочным, но, видимо, он начинается у этих насекомых, как и у других кочующих животных, с нарушения равновесия эндокринной системы.

Стеклянный садок непохож на пустынные просторы Африки или Азии, а лабораторные опыты не могут в точности воспроизводить того, что происходит с насекомыми в их естественном состоянии, но они позволяют это понять. Оседлая саранча, рассеянная на огромных пространствах, ведет

поколение за поколением тихую и мирную жизнь. Но время от времени на свет появляется поколение стадно-кочующее. Такое превращение может происходить не в любом месте. Существуют особые зоны. Одна из них, хорошо исследованная, расположена в восточной Аравии, другая на Мадагаскаре, и, вероятно, еще одна зона есть в Мавритании.

Если бы можно было точно определить, почему в этих зонах происходят такие процессы, бороться с саранчой стало бы намного легче. По своему географическому положению и климатическим особенностям эти районы, казалось бы, ничем не отличаются от других мест, где саранча остается оседлой. Должно быть, в определенные годы там происходят какие-то неуловимые изменения, отчего саранча начинает бурно размножаться. Личинки, с рождения живущие более тесными скоплениями, становятся стадными, как и узицы лабораторий. Это, конечно, упрощенная схема. Насекомое не обязательно меняет свой характер за одно только поколение. Может существовать и переходная фаза, а полная стадность появляется лишь в следующем поколении.

Добавим еще, что при определенных обстоятельствах странствующая саранча может стать оседлой в одном или нескольких поколениях. Это происходит в тех случаях, если при перелете саранчовые стаи долго преследуются и опустошаются их естественными врагами и человеком, а также если они попадают в сильные бури.

Остатки армий бывают тогда как бы деморализованы. Они замедляют ход и часто останавливаются. Насекомые начинают постепенно рассеваться, меняется их поведение, и после переходной фазы становятся, наконец, оседлыми. Но такой обратный процесс происходит очень редко.

...Самолет вылетел с пункта по борьбе с саранчой в шестнадцать тридцать. Это был «Фислер Моран», снабженный наблюдательными приборами и бункером, вмещающим до шестидесяти килограммов акрицида. В семнадцать часов летчик-наблюдатель обратился к своему спутнику:

— Тридцать градусов слева. Мне кажется, там что-то есть.

Через три минуты исчезли все сомнения. Еще через три самолета уже летел над стаей саранчи. Она двигалась в трехстах метрах от земли, освещенная косыми лучами солнца. Ярко-розовый цвет показывал, что саранча прошла через последнюю линьку и скоро начнет желтеть. Туча достигала пяти километров в длину и километра в ширину. Колыхаясь, словно огромный занавес, сжимаясь и расширяясь, она неслась вперед. Судя по всему, скорость саранчи была около тридцати километров в час.

Посыпать насекомых акрицидом на лету невозможно. Слишком ненадежная операция, если даже спуститься к самой стае. А такой маневр был бы рискованным. Стоит саранче подняться в это время хотя

(Окончание см. на стр. 47)

— Все, все Почемучки — сюда! На эту страничку журнала — на заседание Клуба Почемучек! Представьте себе: ровно месяц назад только-только я успел объявить заседание закрытым, как...

— А-а-пчхи!

— Будьте здоровы, Хоттабыч! Но, если вы больны, незамедлительно обратитесь к Айболиту.

— Что ты, что ты! Какая болезнь? Я просидел на речном дне тридцать дней и ночей. И недаром. Вы услышите...

— Но не сейчас, Хоттабыч! Все давно готовы слушать мою историю. Повторяю. Только-только я успел объявить заседание Клуба закрытым, как в тот же час оказался на... заседании Клуба таких же Почемучек. Взглянув на собравшихся, я сразу сообразил, что они чем-то глубоко озадачены и взволнованы, если вызвали самого Мюнхгаузена. Недолго думая, я спросил, что здесь происходит, и услышал ответ, крайне изумивший меня. Дело в том, что обычно-

венный городской воробей принес в клюве записку. «Помогите птицам!» — было в ней. Прочтя записку городского воробья, мы немедленно приступили к делу. Это было интереснейшее заседание, и вы сейчас обо всем узнаете, словно сами сидели в зале.

— О, ты мудрейший из джиннов, Мюнхгаузен!

— Ничуть не бывало, Хоттабыч. Просто я самый находчивый человек на свете. Я воспользовался штукой, которая называется магнитофон.

Константин Николаевич Благосклонов (доцент МГУ, кандидат биологических наук):

— Дорогие ребята! Разговор у нас будет о птицах, и разговор деловой и серьезный. В феврале этого года на секции Советского Союза Международного совета по охране птиц обсуждалось, что нужно сделать для охраны пернатого населения нашей страны. Много важных птичьих дел было обсуждено, и одно из них — охрана птиц в городах, привлечение их в парки и сады, чтобы весело там было и насекомым они уничтожали. Но прежде чем охранять птиц, нужно хорошо их изучить. Город сильно влияет на птиц. Раньше в Москве круглый год жили только воробьи да голуби, потом стали оседлыми вороны и галки, а теперь у нас зимуют городские грачи, сотни кряковых уток, а в этом году в Москве остались зимовать тысячные стаи местных скворцов. И все-таки точных и подробных сведений о пернатом населении у нас очень мало. Почему, например, количество скворцов в городе быстро возрастает, а городских ласточек падает?

Мы приглашаем юных орнитологов помочь ученым собрать сведения о птичьем населении Москвы и других городов нашей страны.

Наблюдения можно вести по-всякому. Можно выбрать какой-нибудь один вид птицы — ворону, скворца, домового воробья — и изучать подробно его численность, корма, поведение, гнездовые дела. Можно выбрать парк, рощу, сад и здесь на определенной территории отмечать всех птиц, которые живут или прилетают в разное время года (где, когда, сколько). Можно, наконец, просто отмечать всех птиц, кроме самых обыкновенных, которых вы встречаете в разное время и в разных местах города. Даже такие отрывочные наблюдения нужны. Но во всех случаях придется соблюдать главное правило наблюдателей: не пола-

гаться на память, сразу и подробно записывать все, что удалось увидеть.

Юные натуралисты столицы, привлечая птиц и наблюдая за ними, многое делают уже сейчас. Им и предоставляется слово.

Лена Ерофеева, Лена Крылова (5-й класс, 50-я школа):

— Наш кружок подкармливает зверей и птиц в Кунцевском районе. Дно кормушек мы разделили на четыре части. В каждую насыпали различный корм: смотрим, кому какой больше нравится. Прилетают большой пестрый дятел, пищухи, поползни, синицы.

Повадилась и ворона. Однажды мы положили сухари, чтобы посмотреть, кто их возьмет. Ворона взяла полсухаря и полетела к дудке. Там она размочила его и начала есть.

Как-то мы наблюдали такую картину: кошка охотилась за вороной и полезла за ней на дерево. Но птица не растерялась и сама стала щипать шерсть у кошки, а потом устала и улетела.

Подкармливаем мы и белок. Орехами. А когда вороны рассыпали по земле сухари, мы увидели, что кто-то еще тут лакомится. Пошли по следам — оказалось, это полевки.

Алла Разумовская (7-й класс, 60-я школа):

— Мы тоже развесили кормушки и ведем наблюдения. Очень много синиц прилетает, встречаются и поползни, правда, не очень много. Свиристели есть тоже. Эти в огромных количествах. Мы видели стай в 200 птиц. К нам прилетели и снегири, Зяблик живет и зимой и летом. Встречали мало пестрого дятла. Он даже прилетал на кормушку.

К. Н. Благосклонов:

— Малые пестрые дятлы появились в Москве и в других местах, один зимует в Ботаническом саду университета. Мы уже думаем привезти ему из леса гнилой пенек, чтобы было где выдолбить дупло.

Марина Гуляева (8-й класс, 80-я школа):

— Наблюдала за воронами. Они появились возле школы и стали ремонтировать гнездо, которое очень было похоже на заброшенное. Приносили строительный материал, достраивали гнездо. Мы наблюдали, как потом родители носили корм птенцам.

В начале февраля возле нашего дома появился скворец. За ним тоже очень интересно наблюдать.

Андрей Сергеев (6-й класс, 80-я школа):

— Наблюдал в январе за скворцом. Временами он куда-то улетал. 3 февраля появилась у скворечника скворчиха. Скворец вертелся вокруг, радовался, а через два дня она улетела. Опять один остался, но от скворечника не улетел, охранял участок.

К. Н. Благосклонов:

— Пел?

Андрей:

— Нет, тогда не слышал. А потепле-ло — запел.

К. Н. Благосклонов:

— Очевидно, это скворец, зимовавший в Москве, у тебя поселился.

Света Лебедева (6-й класс, 143-я школа):

— Недалеко от нашей школы находится Серебряный бор. Там много кормушек. Это мы развесили их и подкармливаем птиц. Чаще других прилетают на кормушки большие синицы, реже лазоревки. Ведут себя осторожно. Не летят прямо на стол. А с дерева по веточкам, как по ступенькам, спускаются. И, убедившись, что им ничего не угрожает, начинают обедать.

Положили им большой кусок сливочного масла — они жадно так расхватили его.

Видели мы вокруг деревьев и кустов кольцами синичьи следы. Почему они прыгают вокруг дерева, что там ищут, осталось для нас загадкой.

Видели еще птицу много крупнее скворца. Серая, вела себя странно. Мы по дереву стучим, а она сидит, как чу-чело. И только выше по стволу поднимается.

К. Н. Благосклонов:

— Птица на стволе столбиком сидела?

Света:

— Да.

К. Н. Благосклонов:

— Тогда это седоголовый дятел. Но вот почему синицы вокруг дерева прыгают — трудно сказать. Может быть,

осматривают издалека ствол — нет ли насекомых?

Валентин Константинович Рахилин (старший сотрудник Института географии АН СССР, кандидат географических наук):

— Когда мы что-то видим каждый день, то перестаем замечать красоту. Так и с нашими городскими птицами. Принято считать, что самое интересное нужно искать где-то в Африке, Антарктиде, а здесь, у себя дома, под боком, мы вроде бы давно все знаем.

А это не так. Интересные и очень важные открытия можно сделать, даже не выходя со своего двора. Совсем недавно один немецкий орнитолог приезжал в Москву и увидел птицу, которую московские орнитологи не замечали. Ею оказалась горихвостка-чернушка. Обычно она гнездится в Западной Европе. А здесь... в Москве? Вот так находка!

Растет количество людей в городах, растут города и их число. Природа принарабатывается к нам: что-то исчезает, а что-то остается, уживается с нами. И нам очень важно все знать о наших диких соседях. Ведите систематически такие наблюдения и сообщайте нам. Это поможет лучше разобраться во взаимоотношениях человека с природой.

Говорят, есть сорные растения, вредные животные. Нет их. Это мы, люди, сами ставим их в такие условия, что они начинают нам вредить. Возьмем птиц. Мы не задумываемся о том, что происходит с ними в городе, когда меняется его архитектура, характер построек, появляется новый транспорт. Можно создать такие условия, когда птицы будут приносить нам вред. А можно сделать их своими друзьями. Например, если в городе много птиц — не надо применять ядохимикаты для борьбы с насекомыми.

Сейчас появилось новое направление в медицине — природотерапия. Оказываются, птицы, их песни помогают справиться человеку даже с нервными и сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Сама обстановка города начинает изменять биологию птиц. Поэтому человек должен помочь птицам. Это касается всех любителей природы, особенно школьников. Сообщите нам: кто из птиц живет в вашем городе летом, кто зимует, а кто только пролетает?

Многие вороны в Москве — домоседы. Поселится пара, выкормит птенцов, и вся семья остается в этих же местах. Гнезда свои ремонтируют круглый год. Присмотритесь, так ли это? Интересно и другое. Понаблюдайте, чем питаются

вороны? Этот вопрос не изучен и очень важен.

В Москве есть птицы, которые приходят с холодом. Особенно много бывает больших синиц. Они живут в самых шумных местах, шагают по аллеям из деревьев, посаженных вдоль больших улиц. Синицы проникают в центр города, приспосабливаются к новым условиям, начинают питаться продуктами на балконах. Но гнездятся в городе только немногие из них.

Охрана птиц, ребята, это не только то, что вы сделали сами. Мы должны научить людей, живущих в городах, любить природу, беречь ее. Вы можете стать застрельщиками интересного начинания в этом отношении, если развесите кормушки на больших улицах, в скверах. Посмотрите, какие птицы гнездятся в самом центре вашего города. Дуплянки тоже надо развесить, но только красивые, чтобы они не портили вид улицы.

На что еще нужно обратить внимание?

Интересно вести наблюдения за пролетом птиц над вашим городом. Где, когда, какие птицы, в какое время пролетают. Останавливаются или нет. Замечено, что городские ласточки исчезают из Москвы. Но проверить это можно, только наблюдая за их колониями. Какие птицы недавно появились впервые в вашем городе? Как думаете, почему?

Хорошо бы расспросить старожилов о гнездовании птиц в различных районах города в былые времена. Ведь с тех пор картина очень изменилась. И эти сведения представляют большую ценность для выяснения закономерностей взаимоотношений города и птиц.

И других животных не надо оставлять без внимания (лягушек, жаб, насекомых, змей, млекопитающих).

Красивым город будет не только, когда он зеленый, но и когда в нем поют птицы, прыгают белки и другие животные украшают его.

К. Н. Благосклонов:

— Тем для наблюдения за птицами очень много. Действительно, почему городских ласточек в городе стало меньше, а вот грачи, хотя и отступили от центра города (далеко стало летать за кормом), но стали теперь еще многочисленнее, чем раньше? Где сейчас расположены их колонии, сколько, хоть приблизительно, гнезд в каждой из них? А сколько в городе живет соловьев? Было время — считалось чудом, если соловей поселялся в городе, а теперь в Москве эта птица не такая уж редкость.

Про ворон мы должны знать все. В

Москве две группы этих птиц. Во-первых, зимующие птицы. Они весной улетают гнездиться к себе на север. И вторых, местные, оседлые вороны. Эти гнездятся в Москве и остаются в городе на зиму. Оседлые вороны все больше заселяют города, кое-где их стало больше, чем сизых голубей. Ворона — одна из интереснейших птиц для наблюдений, она удивительно быстро приспосабливается к новым условиям и очень умна.

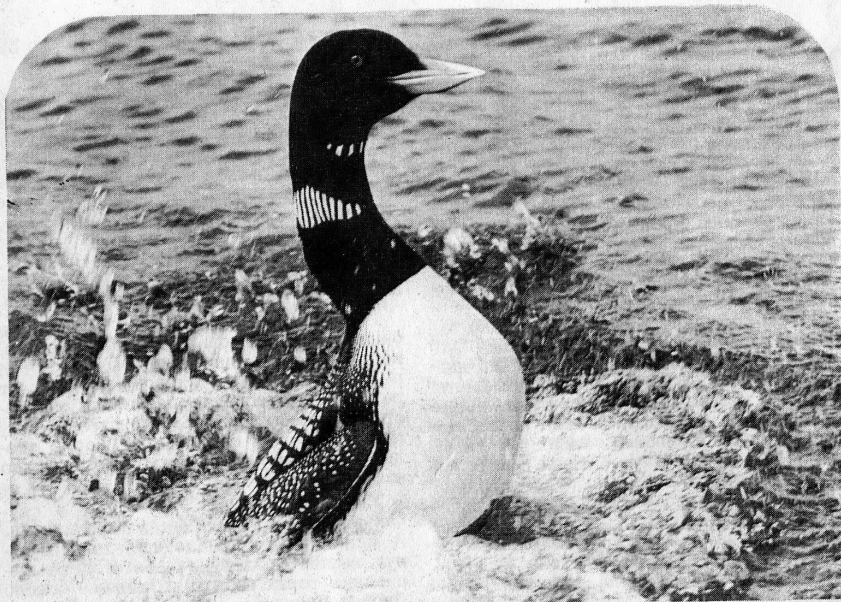
Города сейчас усиленно озеленяют рябинами. Это не только красивое дерево, но и полезное, для птиц по крайней мере. Рябины стали плодоносить, и вот результат: в городах появилось множество зимующих птиц: свиристелей, снегирей, дроздов, скворцов — корма вволю. Стаи зимующих птиц тоже надо взвешивать на учет.

Ученых, конечно, интересуют и случаи встреч необычных для города птиц. А таких бывает немало: вальдшнепы таят весной возле университета на Ленинских горах, козодоя видели около Дворца пионеров, а филинов дважды отмечали в центре города во время наблюдений за ночующими воронами. Чтобы отмечать такое, нужно очень хорошо знать птиц, уметь различать их в природе, учиться этому.

Наконец, необходимо больше развешивать маленьких домиков для мухоловко-пеструшек, синиц, горихвосток. Ведь только скворцов в городах стало много, так как именно для них чаще всего ребята и взрослые развешивают скворечники. А вот синиц бывает много только зимой, этих птиц привлекает подкормка. Чтобы синицы все время жили в городе, нужны не только кормушки, а и синичники. Развешивать их лучше там, где немного бывает людей: в ботанических садах, в парках возле больниц — и птицам спокойнее, и они здесь нужнее. Охотно селятся синицы и на кладбищах. А мухоловки-пеструшки без стеснения гнездятся на самых людных улицах, были бы деревья и подходящий домик для гнезда.

Ребята! Мы ждем писем с вашими наблюдениями. И будьте точны и внимательны, помните, что вы включились в большую и важную работу.

— Надеюсь, члены Клуба незамедлительно воспользуются этими полезными советами и в дальнейшем сообщат нам о своей работе по охране птиц в городе. Жюри Клуба просит на конвертах с подобными донесениями указывать: «В городе — птицы». А теперь...

— А теперь, уважаемый Мюнхгаузен, еще о птицах. Правда, их не увидишь в городе. Даже в лесу не увидишь. Белоклювую гагару удалось наблюдать Галине Федоровне Кречмар, о ней она и рассказывает.

Белоклювая гагара

Отправляясь в экспедицию на полуостров Таймыр, мы мечтали увидеть белоклювую гагару. Нам было известно, что ее там встретить очень трудно. Неужели не удастся полюбоваться на эту оригинальную и редкую даже в тех местах птицу? И вот однажды, возвращаясь из очердного маршрута, мы нашли «валяющуюся» на воде белоклювую гагару. Подошли поближе. Птица тут же нырнула. Оказалось, она лежала на гнезде, которое плавало на воде. Гагара построила свое гнездо у самой воды, когда озеро еще полностью не вскрылось ото льда и воды в нем было немного. Но вот начали таять ручьи, снежники. Вода в озере стала быстро прибывать и грозила затопить гнездо белоклювой гагары. Птица как могла надстраивала его. Когда мы ее увидели, гнездо оказалось маленьким островком. Было ясно, если вода еще прибудет, оно погибнет. Тогда мы осторожно взяли два больших коричневых с темными пятнами

яйца и вместе с гнездом перенесли на незатопленный берег. Но вода все прибывала. Пришлось снова переносить гнездо. И так целую неделю. Мы переносили гнездо и всякий раз боялись: а вдруг гагара бросит его. Нет, не бросила — сидит. Правда, первое время наш приход она воспринимала недоверчиво, снималась с гнезда, крича, уплывала подальше. Чтобы вконец не напугать птицу, мы даже не решались фотографировать ее. Но постепенно гагара стала привыкать: при нашем приближении неохотно покидала гнездо и плавала у самого берега, хотя и громко кричала. И тут уж мы постарались сфотографировать ее в полной красе: грациозную, красивую, злую и редкую птицу.

Наша работа в экспедиции подходила к концу, но мы задержались из-за гагары. Очень хотелось увидеть ее птенцов. Однажды мы подошли к гнезду. Гагара важно сидела на гнезде, а рядом с ней — маленький, пушистый темносерый гагаренок. Мы взяли пуховичка, отвезли его в палатку, взвесили, а потом подложили снова к гагаре.

— А а-пчхи!

— Будьте здоровы, Хоттабыч! Кажется, вам не терпится начать обещанный рассказ об отчаянной подводной охоте, на которой вы простудились, поэтому и не перестаете чихать.

— И, несравненный Мюнхгаузен, не

только об этом. Я видел, клянусь бородой, богатырей мошек, я видел подводных ткачей, воздушные замки и...

— Останови поток своей фантазии. И скорее начинай рассказ.

— О, я не смею, ибо не сумею сделать это так, как Г. В. Голубева.

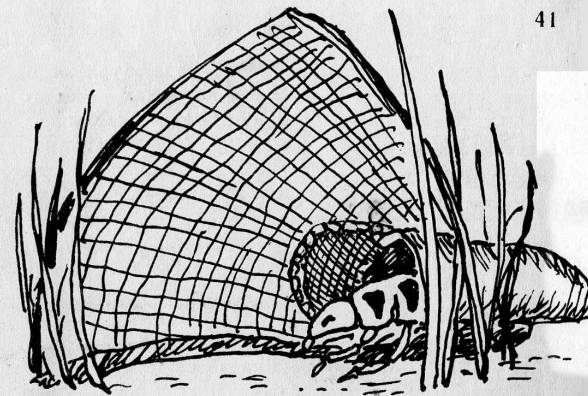
Маленькие камнелазы

Каждый знает, как трудно перейти горную речку, даже маленькую. Мчится поток воды, подхватывая все на своем пути, перекатывая камни. Но крошечным личинкам мошек водяной водоворот не страшен. Это их родная стихия. Здесь они живут, здесь пищу себе добывают. Эти маленькие существа обладают гигантской силой. Но как же удерживаются они на речных перекатах?

Если поместить личинки в стеклянную банку, можно увидеть, с какой легкостью они шагают по вертикальной поверхности гладкого стекла. Свой путь маленькие камнелазы выстилают редким ковром из шелковых нитей. За ними они и цепляются коготками, которые есть на небольших выступах на переднем и заднем концах тела.

На камнях в потоке воды личинка может оступиться. Однако водоворот далеко ее не унесет. Выручают паутинные железы. Они моментально срабатывают, и личинка повисает на шелковом канате. Сверхпрочный канат, состоящий из двух тончайших волокон, выдерживает напор воды. Через некоторое время личинка по паутинке возвращается на прежнее место.

По химическому составу нить несколько сходна с паутиной пауков. Отличается она от нее лишь большим содержанием склеивающего вещества — серицина. Этот удивительный материал маленькие подводные ткачи используют для самых разнообразных целей. Хищные личинки ручейника гидропсихе сооружают из шелковых нитей ловчие сети, в определенном порядке. Там, где течение медленное, сеть ставят перпендикулярно к направлению движения воды,

а в стремительном потоке — под некоторым углом. Подводные ткачи мгновенно плетут свою сеть. Если нет помех, она бывает готова через 7—8 минут. Попавшая в сети жертва запутывается. Личинка быстро схватывает ее и пожирает.

Разнообразные конструкции подводных ткачей отличаются надежностью и экономичностью.

Некоторые личинки комаров дергунов строят трубку, один конец которой заплетают паутиной сеткой. Находясь в трубке, они прогоняют воду через нее. Пища, поступающая с водой, задерживается в сетке. Когда ее накапливается много, личинка съедает ее вместе с сеткой.

Личинка другого вида комара дергуна питается, соскабливая наросты с мелких песчинок. Для этого она с помощью шелковых нитей подтягивает к себе песчинки, очищает их, а затем использует для постройки жилой трубки. Сшивает их между собой той же шелковой нитью. Неутомимая труженица строит свой жилой дом за 50—60 минут.

Личинкам хирономид не уступает в строительном искусстве гусеница бабочки огневки. Мелкие красивые бабочки живут по берегам водоемов, а их потомство — гусеницы — обитатели воды. Они строят себе воздушный замок в виде водолазного колокола, в котором и живут. Свой домик гусеница рясковой огневки в нашем аквариуме сделала из мертвых частичек стебля рдеста и листьев ряски. Потрошенная гусеница высовывает из домика голову, окруженную, как скафандром, слоем воздуха.

— А теперь, дорогие Почемучки, заседание нашего Клуба заканчивается. Ждем вас на этих же страничках в следующем месяце.

ЗНАТЬ бережь множить

Прошла буря, и в камышах подобрали малышей колпиц и пеликана. Лечить надломленные крылья взялась рыбацка Мария Ивановна Абросимова. Вскоре питомцы привыкли к ней настолько, что каждое утро выходили навстречу ей из своего сарайчика и просили завтрак.

Из-за корма скандалов не было — проглотит пеликан два-три сазанчика и спокойно наблюдает, как колпицы кусочки рыбы подбирают. Зато не терпел он, когда колпицы к хозяйке приближались. Тогда неуклюже он передвигался на своих перепончатых ногах, громко гоготал и старался отогнать их в сторону. Казалось, своим гоготом он приговаривал: «Моя бабушка, моя бабушка». Прозвали его Гошей.

Пришла осень, и колпицы улетели, а пеликан остался зимовать в рыбацком поселке на берегу степного озера Жалтыркуль. В первую зиму Гоше нравилось летать за чабанами в степь, когда те за лошадьми ходили. Пролетит он метров триста, посмотрит, куда пошел человек, и в воздух.

А летом Гоша вместе с Марией Ивановной каждый день выходит в море, на переборку сетей. Он приспособился сидеть на борту лодки по-куриному. Расчет простой — хозяйке не мешает и всегда вовремя получит исклеванную чайками рыбу.

А излишек пеликан складывал в свою кожаную «авоську» под клювом. Во время шторма, когда рыбаки не едут на переборку сетей, Гоша нервничает,

стучит в окно Марии Ивановны. Выйдет хозяйка, Гоша ведет ее к лодке. Возьмет клювом клочок сети и теревит.

Ясно, что он на своем птичьим языке просит завтрак, а людям кажется, что он приглашает их на переборку сетей.

Вообще-то пеликан предусмотрителен. Чтобы не прозевать выход на озеро, сидит в лодке.

Сядет за весла хозяйка, пеликан тут же бросается в воду и ведет ее к снастям. На четвертый год Гоша научился показывать в сетях рыбу. Есть рыба, он опустит свой длинный клюв в воду. Нет рыбы, плывет вдоль сети дальше.

Зорко охраняет свое рабочее место Гоша. Он знает жителей поселка — старых и малых. Всем позволяет с собой даже пошалить. Зато, когда один из жителей города Уральска попытался взять соседнюю лодку, Гоша вытянул шею и так долбанул его в спину, что мужчина на ногах не удержался.

Недавно пеликан чуть было не поплатился за свою смелость.

В поселке остались одни дети. Взрослые поехали на переборку сетей. К причалу подъехали посторонние. Подошли они к лодке, и Гоша, конечно, ошетинился. Начали дразнить пришельцы пеликана, как будто другого

занятия не нашли. Отбиваясь от нападающих, Гоша наткнулся на выкинутый браконьером кол. Зазияла кровавая рана в горле, обвис клочок кожи. Браконьеры скрылись, а птицу пришлось оперировать.

Так и живет в рыбацком поселке на озере Жалтыркуль Уральской области ручной пеликан. Только теперь он стал понимать, что люди есть разные: добрые и плохие. С появлением посторонних он уплывает от лодки в сторону.

И. Пронопенко

Разные гнезда у птиц. Малые пестрые дятлы хорошо устроились в дупле. Сейчас у них хлопотливое время — птенцы вывелись. Самка малого пестрого дятла весь день снует по лесу, собирая насекомых. Часто приходится ей долбить кору, чтобы выискать под ней скользким круглым языком короедов. Съеденные насекомые образуют в зобу кашку. Отрывая ее, птица и кормит свой выводок.

А у этой серой славки гнездо в саду, в крыжовнике, невысоко над землей. Гнездо такое рыхлое, что просвечивает насквозь. Славка отличная певунья, недаром считают ее серьезной соперницей соловья.

Фото Л. Михайловского

Во саду ли...

Два урожая за лето

Столько земляники можно получить, если вы посадите сорт «махерн», который в последние годы стали вы-

ращивать садоводы-любители Подмосквья. Этот сорт широко известен в ГДР.

Вот уже три года растет земляника «махерн» на моем участке. Я хорошо изучил особенности этого сор-

та и могу сказать, что достоинств у него немало. Во-первых, он дает два урожая. Первый я собираю рано весной, когда на других сортах только распускаются цветки, второй — с начала августа и до заморозков. А ведь как приятно в сентябре — октябре иметь свежие ягоды земляники! Причем осенний урожай гораздо выше весеннего. С одного земляничного куста я снимаю до 100 ягод! Небольшие, кисло-сладкие, разнообразной формы, они очень ароматны! Весной, когда много солнца, они красные и даже темно-красные, а осенью светло-красные, зеленые с красными бочками. Из осенних ягод получается очень вкусное ароматное варенье, ягоды не развариваются.

Земляника не образует мощных кустов, листьев на них немного, и почти все они наклонены к земле. А вот цветки держатся на длинных плодоножках-цветоносах и возвышаются над ними. Оттого ягоды редко поражаются серой гнилью. Во-вторых, этот сорт особенно ценен тем, что хорошо растет и плодоносит в полутени. У меня земляника посажена в междурядьях

яблонь, где другие сорта растут плохо.

В сентябре землянику желательнее укрыть пленкой, чтобы продлить плодоношение, ускорить созревание ягод и не дать им погибнуть от ранних морозов, как это было в 1973 году.

Замечено, когда осенью на рябине мало ягод, на землянику нападают дрозды, сороки, и, если ее не укрыть, можно лишиться урожая.

Размножают землянику «махерн» усами. Они появляются после весеннего урожая в конце июня — начале июля, осенью их почти не бывает. Посаженные в этом же году молодые усы дают новые и частично ягоды. Если вы хотите использовать усы для посадки, как можно раньше отделите их от материнского куста. Чем скорее вы это сделаете, тем обильнее будет второй урожай.

Земляника «махерн» очень любит удобрения. Перед посадкой во время перекопки внесите в почву органические — торфяной компост, перепревший навоз или компост и обязательно минеральные: суперфосфат и золу.

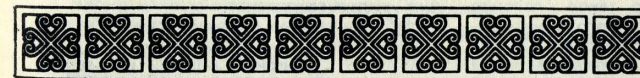
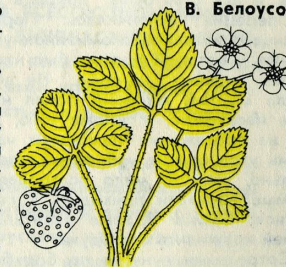
В течение лета землянику

трижды подкормите полным рижским удобрением (20 граммов на 10 литров воды); под каждый куст внесите по литру раствора. Первый раз рано весной, после таяния снега, второй во время весеннего цветения, третий во время второго цветения. Помните, высокий урожай земляники «махерн» можно получить только при обильном удобрении и достаточном увлажнении. В сухое лето растения необходимо поливать.

Учитывая, что у сорта «махерн» очень небольшая листовая поверхность, посадки провожу загущенно — расстояние между рядами 50 сантиметров, в ряду — 15—20 сантиметров.

На зиму кусты земляники закрываю сухим листом, чтобы они не подмерзли.

В. Белоусов

ШЕСТИНОГИЕ АГРЕССОРЫ

(Окончание. Начало см. на стр. 30)

немного вверх — и самолет врежется в густую массу, которая забьет все отверстия в моторе. Летчик-наблюдатель определил место саранчовой стаи. Можно быть уверенным, что направление свое она не изменит. Уж коли саранча избрала маршрут, ничто не заставит ее свернуть в сторону. Самолет начал кружить над стаей. Миллионы миниатюрных летающих аппара-

тиков, казалось, нисколько не были потревожены его гудением.

Самолет развернулся и взял курс к пункту по борьбе с саранчой. Розовая стая позади него быстро скрывалась из виду.

Вскоре самолет приземлился. Дверца кабины распахнулась, и на землю прыгнул летчик-наблюдатель.

— Все в порядке, — сказал он. — Мы засекли стаю саранчи в шестидесяти километрах отсюда. Вы вполне успеете нагнать ее до темноты.

— Если эта мерзость доберется до крупных плантаций, она все сожрет, пока не лопнет. Будем надеяться, что мы прикончим ее раньше.

Люди уже были в машинах, моторы запущены.

Через четверть часа перед глазами присутствующих предстало необычайное зрелище. Косые, почти горизонтальные лучи солнца освещали снизу огромный волнующийся ковер. Машины следовали параллельно стае на расстоянии трехсот метров от нее, продвигаясь с той же скоростью.

Вдруг передняя часть стаи стала спускаться к земле. Двадцать метров, десять, пять. Сотни тысяч насекомых касались земли! Все вокруг преобразилось. Сплошная пелена саранчи покрывала огромное пространство. Освещенная последними лучами солнца, она казалась ярко-красной. Деревца и кусты стояли, как привидения, под пухлым покровом ползающих насекомых. Вскоре шум смолк, затихли почти все звуки. И только по легкому шелесту можно было судить, насколько плотен этот живой ковер.

Солнце еще не вышло из-за горизонта, а самолет уже летел над стаей, постепенно снижаясь. Атаку он начал на высоте менее десяти метров. За ним потянулось густое белое облако. Несколько таких заходов, и вся стая была покрыта порошком.

Операция закончилась. Первые лучи солнца осветили многомиллионную стаю саранчи, у которой должен был наступить паралич нервных центров. Не вся саранча была мертва. Акрицид попал не на каждое насекомое, и, кроме того, действовал он на протяжении нескольких часов. В восемь утра солнце уже припекало довольно сильно, так что мало пострадавшие насекомые начинали приходить в себя и двигаться. Самые бодрые взлетали вверх и стаей кружились в воздухе.

Сотрудники пунктов по борьбе с саранчой знали, конечно, что такое явление почти неизбежно. Для полного уничтожения саранчи необходимо держать ее на земле несколько часов, чтобы акрицид успел до конца произвести свое действие. Однако саранча садится только вечером, и до рассвета ее, разумеется, порошком не посыплешь.

К концу следующего дня частично истребленная стая была еще раз выслежена самолетом. Однако и после этой бойни выжившие насекомые поднялись в воздух. Поредевшая стая продолжала свой путь на север. Третий раз ее настигли и атаковали сотрудники другого пункта, которых уведомили по радио. Засыпанная акрицидом, оцепеневшая саранча даже не пробудилась. Опрокинутые на бок трупы лежали неподвижно. Правда, некоторые, чуть ожившие под солнечными лучами насекомые еще кое-как двигались по земле, пытаясь выстраиваться параллельными рядами, но вскоре опять застывали на месте и валились на бок. Для них путь был окончен.

Они уже не приобретут завершающей желтой окраски — брачного наряда.

Миллионы насекомых были уничтожены. Но в ту осень в организации и пункты по борьбе с саранчой все еще продолжали поступать тревожные телефонные звонки.

Выслеженные стаи опылялись с самолетов, с «джипов». В разных местах на пути ее маршрутов отряды по борьбе с саранчой рассыпали смешанные с ядом отруби. Привлеченные такой приманкой, некоторые стаи пожирали ее и гибли.

Я описал или, вернее, воскресил в памяти нашествие пустынной саранчи, обрушившейся в начале ноября 1954 года на некоторые районы Марокко. Это нашествие показалось мне особенно типичным примером миграций саранчи, которые могут обернуться для человека настоящей катастрофой. В десять минут апельсиновые сады были обглоданы до коры, а посевы как не бывало. Некоторые плантации удалось восстановить через два года, но для возрождения большинства из них потребовалось от пяти до десяти лет.

В целом механизм миграций саранчи нам еще мало известен. По-видимому (хотя подходить к этому надо все же с осторожностью), для нескольких видов путешествия кончается полным безвозвратным рассеиванием.

В 1954 году избежавшая гибели пустынная саранча, приближаясь к морю, изменила цвет. Облечившись в желтый брачный наряд и, как некогда ее родители, произвела на свет новое потомство. Самки с брюшком-буравчиком отложили в землю тысячи яиц, из которых вскоре вышли личинки и превратились впоследствии в крылатых насекомых, все еще не утративших импульса странствий.

Небольшие стаи направились в обратную сторону по пути, проделанному их родителями: из Северной Африки в Мавританию. Именно там должен был разыгаться последний акт, завершение которого всякий раз бывает для нас непредвиденным.

Потомки саранчи, уцелевшей от великого нашествия, возвратились на эти по большей частью пустынные земли. Здесь они воспроизведут свое потомство. Если обстоятельства (температура, влажность, атмосферное давление) будут благоприятны, личинки появятся в достаточно большом количестве, чтобы все поколение было стадным и в скором времени пустилось в новое путешествие на север. Если же нет, одиночная зеленоватая саранча будет пугливо прятаться по кустарникам. Годами среди песков не покажется ни одно скопление воинственных личинок.

Жорж Блон

Перевод с французского Л. Деревянкиной

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ! АКТИВНО УЧАСТВУЙТЕ ВО ВСЕСОЮЗНОМ КОНКУРСЕ ПО СБОРУ ГРИБОВ, ЯГОД, ПЛОДОВ И ДРУГИХ ДИКОРАСТУЩИХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ И ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ. Большие возможности для сбора целебных растений и лесных ягод открывает перед вами щедрый июнь. Предлагаем далеко не полный перечень цветов, трав, листьев и плодов, которые в первую очередь следует собирать в этом месяце.

ЦВЕТЫ ландыша майского, бузины черной, арники горной, ромашки пахучей, липы сердцелистной и сердцевидной, бессмертника, ромашки аптечной, боярышника кроваво-красного, клевера красного, яснотки белой и других растений.

ЛИСТЬЯ ландыша майского, белены черной, брусники, наперстянки крупноцветковой, дурмана обыкновенного, полыни горькой, крапивы двудомной, мать-и-мачехи, толокнянки и других растений.

ТРАВУ ландыша майского, адониса весеннего [горицвета], анабазиса безлистного, желтушника серого, золототысячника зонтичного, полыни цитварной [сantonинной], сушеницы болотной, зверобоя, иван-да-марьи, хвоща полевого, череды, чабреца.

Очень ценны собранные и правильно засушенные ягоды лесной земляники. Как собирать, сушить и транспортировать те или иные целебные растения и какие именно из них следует собирать в вашей местности в первую очередь, вам подскажут на приемных пунктах заготовительных организаций потребкооперации. Поддерживайте с ними самую тесную связь! Желаем победы в конкурсе по сбору дикорастущих полезных растений, необходимых нашему народному хозяйству.

ЦЕНТРОКООПЛЕКТХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА

Рис. В. Прокофьева

СУЛТАН

Наступал отпуск. Любовь к перемене мест, молва о хорошей рыбалке и первозданной тишине затащили нас в северный лесной край к колхозному пчеловоду Ивану Семеновичу.

Во всякой семье есть свои привычки и традиции. Были они и здесь. За стол садились, строго соблюдая своеобразную табель о рангах. В торце стола, на широкой лавке, было место деда Ивана. Так звали нашего хозяина во всех окрестных деревнях. Справа, под рукой, на правах члена семьи пристраивался всеобщий любимец Султан — черная небольшая собака, неизвестной родословной, с белыми тапочками на передних лапах и с белым конусочком на кончике хвоста. Приземистое туловище, кривые передние лапы, мускулистая грудь, удлиненная морда давали повод считать ее в родстве с таксой. Пес был необычайно общителен, а его дружба с котом Филей была прямо-таки трогательной. Нередко около порога из одной миски Филей и Султан мирно лакали молоко. Филей, закрыв глаза от удовольствия, делал это по-кошачьи аккуратно.

Султан же громко чмокал большим языком, разбрызгивая молоко по сторонам.

Заметно преобразился Султан во время чаепития. Его, конечно, трудно было заподозрить в любви к чаю. Но зато около самовара лежал сахар!

На самом краешке стола сначала тихо появлялась лапа. Устремленный в пространство, ничего не выражающий взгляд придавал при этом морде пса совершенно равнодушное выражение. Лапа медленно начинала двигаться по столу. Покашливание деда как ветром сдувало ее со стола, и некоторое время Султан сидел совершенно смирно. Но сахар притягивал как магнит. Раз за разом, Султан повторял маневр, и тут уж предупредительное покашливание деда не помогало. Только легкий щелчок по голове приводил попрошайку в чувство. Порядок за столом вновь восстанавливался. Так проходила минута-другая. На столе одновременно появлялись обе лапы, по которым, как по полозьям, двигалась морда с дрожжащими ноздрями. Сердце человеческое не камень. Нарушитель приличия получал ласковый подзатыльник и свою порцию вкусно хрустящего на зубах сахара.

Мы очень привязались к Султану, с ко-

торым на наших глазах произошла грустная, поучительная и одновременно смешная история.

Если мы позволяли себе утром понежиться в постели, то у деда Ивана на сей счет был нерушимый порядок. Летом он поднимался строго в четыре часа. Выпускал скотину, птицу и шел на колхозную пасеку, находившуюся рядом с усадьбой, или столарничал под навесом. Султан, покрутившись около хозяина, укладывался на пригретую солнцем скамейку и, прикрыв хвостом нос, погружался в дремоту. Так было и в тот злополучный для него день.

Трудно сказать, какая собачья нужда подняла его с теплой скамейки. То ли лай приятельницы из соседней деревни, то ли горластый петух, то ли еще что. Султан не спеша спрыгнул со своего ложа, изогнул спину, поочередно потянулся передними и задними лапами, сладко, закрыв глаза, зевнул и потрусил на пасеку.

Много раз бывал он здесь. Знал все тропинки и все закуточки. Знал все ульи, но около них никогда не останавливался. Однако на сей раз он изменил своему правилу — подошел вплотную к улью, встал на задние лапы, поскреб леток и решил его обнюхать. Пчелы усмотрели в его действиях грубое нарушение своего суверенитета. Обидчик был наказан немедленно. Тишину раннего утра взорвал отчаянный вопль. Не разбирая дороги, несчастный стремглав вылетел с пасеки. В несколько прыжков пересек двор. На махах преодолел лестницу на второй этаж и с таким лютым видом ворвался в комнату, что дремавшего у печки Филей, как пружинами, подбросило вверх, и он, еле коснувшись скамейки, оказался на печке.

А Султан ничего этого не видел. Сделав круг по комнате, он ринулся с лестницы вниз и скрылся за домом, по дороге учинив переполох среди гревшихся в пыли кур. Сделав три витка вокруг дома, Султан на полном ходу затормозил, уткнулся мордой в землю, схватился передними лапами за нос, взвизгнул, сорвался с места и помчался в лес. Но долго еще раздавались из чащи берущие за душу вопли. Потом все стихло.

Белые июньские ночи скрадывали истинное представление о времени, и, не посмотрев на стенные ходики, нам, новым людям в этом крае, совершенно невозможно было определить, который час. Был поздний вечер. Отправляясь на прогулку к озеру, мы заметили во дворе какое-то оживление. Возле лестницы на второй этаж, где в доме размещались жилые комнаты, сгрудилась вся семья деда Ивана. Рядом стоял, еле держась на ногах, Султан. На что он был похож! Вместо передних

лап какие-то негнущиеся чурки. Распухшую морду совершенно невозможно было узнать. Вместо глаз, таких умных, все понимающих, были лишь узкие щелочки. Уши больше походили на свинячки. Он не мог сделать ни единого шага по лестнице. Прикоснуться к себе не давал, хватая, хотя и осторожно, зубами за руку.

Вносили его на мешке. Вскоре собака поползла к лестнице. Пришлось великому ченика опять погрузить на мешок и вынести во двор, к колодцу.

Утром Султана на месте не оказалось. Он лежал около любимой скамейки и грелся на солнышке, глядя впотьмах на нас, и делал попытку встать и повильать хвостом. Через двое суток после несчастия Султан уже оправдывал поговорку: «На собаке все заживет».

И. Бабкин

БОЕВОЙ КОНЕК

Впервые я увидел его весной. Это был лесной конек — маленькая птица с веселым подвижным хвостиком, как у трясогузки. Ученые и причисляют его к семейству трясогузок, хотя по внешности он скорее похож на жаворонка, только без хохолка и оперение на спине пожелтеет, по-ярче.

Лесная вырубка сияла в утренних лучах солнца. Цвели букетами сиреневые сибирские подснежники, похожие на мохнатые тюльпаны, голубоватая белизна березовой поросли окуталась зеленым пухом первых листьев. Птицы ликовали, и вся поляна пела. Лесной конек участвовал в общем хоре. Совершая свой токовый полет, он заливался песней, словно танцуя в воздухе. Но вот появился еще один, и уже два конька запорхали, закружили над поляной. Это был какой-то песенный танец-импровизация во все убыстряющемся темпе. Потом танец перешел в преследование — коньки гонялись один за другим, продолжая звенеть на высоких нотах. Вероятно, это казалось пением только для грубого человеческого уха. В действительности, это было объяснение, своеобразный поединок. И когда один признал себя побежденным в воздушной дуэли и покинул поляну, победитель присел на пенек и запел.

Коньки замечательные певцы, поют они больше в воздухе, танцуя высоко над землей, но Боевой Конек, прогнав соперника, пел на пенек.

Второй раз я встретился с Боевым Коньком, чуть не наступив на его гнездо, когда проходил по знакомой вырубке. Гнездо было на земле, в ямке под кустом, и Бое-

вой Конек мужественно не покидал его, несмотря на нависшую опасность. Он замер и смотрел на меня блестящими глазами, готовый ко всему. Его подруга выпорхнула из-под моих ног и металась с писком рядом. Я поспешил отойти, но все же успел заметить в гнезде четыре или пять яиц.

Через несколько дней у коньков вывелись птенцы, голые, слепые и беспомощные, они только умели разевать всегда голодные рты. Каждый птенец съедал за день больше, чем весит сам. Боевой Конек и его подруга целый день таскали насекомых своим детям. Не меньше чем по триста раз за световой день подлетали они к гнезду с полными клювами.

Однажды, когда птенцы были еще слепые, на зеленой вырубке появилась белка. Она сбегала по стволу сосны головой вниз и в несколько прыжков выскочила на поляну. Обычно считают, что этот симпатичный зверек с пушистым хвостом питается только орехами да грибами. Весной, когда в лесу еще ничего не созрело и не поспело, белки едят почки, молодые побеги, насекомых, а при случае птичьи яйца и даже птенцов.

Увидев, что птенцы остались одни, белка длинным прыжком метнулась к гнезду. Боевой Конек вовремя заметил опасность. Он выпустил из клюва пойманную гусеницу и свалился на голову белке. Ошарашенная разбойница дернула хвостом-рулем, повернула в воздухе и хлопнулась, не долетев до гнезда. Возмущенно застрекотав, она добегала до ближайшей сосны, мелькнула по стволу и уселась на нижней ветке, отфыркивая и потирая передними лапами самый кончик морды. Из этого можно было заключить, что удар Боевого Конька пришелся по чувствительному беличьему носу.

Птенцы подросли и стали поршками. Они уже порхали по кустам, сами хватили насекомых, но старые коньки их еще подкармливали.

Беда пришла, как всегда, неожиданно-нежданно.

Был конец лета, лисята покинули родительские норы, разбрелись по лесу и вели самостоятельную жизнь. Лесные коньки выкармливали второй выводок. Белоградская лиса заметно выросла и повзрослела, только морда у нее не взрослая — очень длинная и смешная, любопытная-любопытная. Лиса была голодна; мыши успевали вовремя ее услышать или увидеть, а о птицах и говорить нечего. Когда она вышла на вырубку, то тут же почуяла, а потом увидела птенца конька совсем низко на ветке. Лиса прижалась к земле и поползла. Высокая трава хорошо скрывала ее.

Боевой Конек принес мотылька своему птенцу-поршку и присел возле, случайно заслонив его от лисы. Конек был слишком занят птенцом, и это погубило его. Словно рыжее пламя, взвилась лиса, но конек все же успел взмахнуть крыльями и отпрыгнуть в сторону. Лисьи зубы скользнули по оперению и, клацнув, сомкнулись на крыле. Не напрасно он звался Боевым! Конек бился, клевался, царапался. Перекушенное крыло оторвалось и осталось в зубах лисы, а Боевой Конек, уцепившись за ветку, повис на кусте. Зато перепуганный птенец не удержался и свалился с ветки в траву. Лиса мигом схватила его.

Наступила осень. Птицы собирались к местам зимовок. Отлетали и лесные конь-

ки, только Боевой Конек не мог лететь с ними. Тут я и увидел его в последний раз. Испугавшись меня, он пытался взлететь, но только кувырнулся от резких взмахов единственного крыла и падал в желтые опавшие листья.

Попытка поймать конька ни к чему не привела. Он упорно не давался, дикий Боевой Конек проскальзывал между протянутыми руками и бегал, бегал. Так мы достигли глухих зарослей ивняка, где я

потерял его. Конек юркнул в самую чашу и затаился. Он не мог поверить человеку, который хотел спасти его от голодной смерти.

В. Клецкий

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЕГОЛЕТКИ

Она была маленькой и беспомощной. Жизнь едва трепетала в ней. Час назад она проклюнулась из прозрачного шарика икры. Этот шарик — ее первый дом — прилип к траве.

На соседнем побеге травы лежали две ее сестры — такие же маленькие и такие же легкие. Даже травинка не гнулась под ними.

А почему бы не поплыть к ним? Ведь это так близко!

Она оторвалась от стебля. Все вокруг задрожало, задвигалось. Ей показалось, что зеленые побеги сорвались со своих мест, поплыли навстречу. А сама-то она плывет или просто трепыхается? Нет, лучше вернуться на старое место.

Бедняга, она и плыла-то вовсе не так, как плавают настоящие рыбы. Впрочем, она еще и не рыба, ее настоящее имя личинка. Ей расти и расти. Но будем великодушны и, чтобы не обидеть маленькую, назовем ее сеголеткой.

Вы знаете, кого называют сеголетками? На всякий случай объясню. Сеголетка — значит рождения сего лета. Как видите, возраст скромный.

Итак, первое путешествие закончилось благополучно. Сеголетка добралась до травинки, легла на ее зеленое ложе. И вовремя она убралась восвояси, потому что рядом проплыла длинная и широкая плоскодонка. Под водою на секунду стало темнее, словно надвинулась туча. Всплеснули весла, и лодка зарылась носом в песок.

Набежала волна, травинка с нашей сеголеткой наклонилась, чуть дна не коснулась. Наклонилась и выпрямилась. Сеголетка удержалась на ней. А из лодки выпрыгнули два мальчика — светлочубый и голубоглазый Илюша и коротко остриженный чернявый Павлик.

Павлик сел на камень, раскрыл толстую тетрадь в клеенчатом переплете. В этой тетради ребята весь май записывали свои наблюдения за озером: как ведут себя рыбы, какая температура воды на разной глубине.

Илюша зашел в воду, воткнул термометр в песок. Постоял и вдруг закрыл:

— Паша, сюда, выклюнулись!

Это он заметил сеголеток. У Илюши глаза большие, и по цвету они как вода в озере, особенно в те часы, когда небо голубое. Он напряг глаза, всматривается: ведь сеголетки маленькие и цвета их не разберешь — то ли бледно-серые, то ли с розоватым оттенком.

Новорожденной как раз надоело лежать на травинке. Решила снова попробовать свои силы. Плывла. Опять получилось так неумело, что Илюша только головой покачал.

Откуда-то лист занесло в озеро. Наверное, от ближней осины, опрокинутой в воду, оторвался. Села на него сеголетка. Потрудилась — можно и отдохнуть. Ну что ж, пусть отдыхает — ведь первый день живет на белом свете.

А мы расскажем о ее родителях, как мальчики спасли их от неминуемой гибели.

Было это без малого неделю назад. Илюша и Павлик лежали в траве, поглядывали на озеро, переговаривались. Вечерело. Солнце уже опускалось на ночевку. На воду упали розовые полосы.

— Кого вороны сторожат, как ты думаешь? — спросил Павлик.

— Не нас с тобой, — ответил Илюша. — Зря сидеть не станут.

Большие вороны неподвижно чернели на ветках ближних деревьев, зорко следили за гладкой поверхностью озера. Вот вороны насторожились, повернули головы вправо. Вправо посмотрели и мальчики. Оттуда, от камышовых зарослей, кто-то плыл. Воду покрыло рябью, появились маленькие буруны.

Рыбы быстро приближались к острову. Передняя — самая крупная — самка. По бокам, почти не отставая, — самцы.

— Сейчас игру затеют, начнут гон, — предупредил Илюша.

Большая рыба уверенно шла к берегу, туда, где весеннее половодье затопило травянистую поляну. Рыба звонко ударила хвостом по воде и с разгона вылетела на мелководье.

Грузная, она застряла на песке. Ее тело торчало над водой. Рванулась вперед, назад, хотела, видно, на глубину вырваться — толку мало. Пока она дергалась, ворон ветку покинул, раз-другой крыльями взмахнул и упал стремительно вниз. Схватил жертву. Она изгибается, упругий хвост ходуну ходит. Все впустую.

Мальчики и ахнуть не успели. Ворон над берегом уронил рыбину. Уронил или с умыслом бросил? Она упала на камни, сильно ушиблась. Но прийти в себя не успела — закачались ветки на деревьях, взлетели вороны. Закаркали во все горло, набросились на рыбу, черными клювами клевали, рвали окровавленное тело.

Рыбина иступленно билась о берег. Пока мальчики подбежали, спастись было некогда: вороны с остатками добычи улетели. На песке остались следы крови и серебристые копейки рыбьей чешуи.

А гон только начинался. К острову шли и шли сазаны. Самцы догоняли самок, били хвостами, вода вспыхивала пенными бурунами.

В прибрежье, на мелководье, сазаны носились с особенной прытью, плескались шумно, весело, озорно.

Возле опрокинутой осины терлась о ветки, о водоросли крупная рыбина. Самцы с разгона бросались к ней, ударяли головой по брюху, по бокам.

— Икру вытаскивают, видишь, — комментировал Илюша. — Эта пузатая и есть самка. Брюхо ее икрой набито.

В тот вечер ребята дважды камнями и свистом отгоняли от берега воронов.

На следующее утро в траве возле опрокинутого дерева они увидели сазанью икру. А на пятое утро — маленькое существо. Оно барахталось, добиралось от стебля травы к плавающему островку — листу осины. Как вы помните, это и была наша сеголетка.

Новорожденной явно везло. Ее родители не стали добычей воронов. Ее скользкий домик — круглая икринка — тоже не достался птицам. А они, проныры, привыкли лакомиться рыбьей икрой. Как пойдет вода на спад, отступит от берега, трава с икринками обнажится. Вот и разбойничают птицы.

Эта напасть миновала. И лягушка сеголетку не съела. Но врагов вокруг тьма тьмущая. Они подстерегают везде: подбираются с суши, плавают в воде, сидят, затаясь, на водорослях.

Плохо быть маленькой. Зато среди ила сколько корма: дафнии, моллюски, личинки комара. Кого только не увидишь! Глаза разбегаются.

Полакомилась наша сеголетка на славу. С того дня строгий порядок установила: по утрам и вечерам на поверхности озера промышляет, а как взойдет солнце, вглубь уходит, на придонную кормежку.

И пошла сеголетка расти не по дням, а по часам. Спинка потемнела. Плавники окрепли. Плавать стала увереннее, проворнее — догони попробуй!

Повзрослев, пристрастилась она к побегам камыша. До чего же вкусные, до чего сочные — оторваться невозможно! Да что о ней, сеголетке, говорить, когда взрослые сазаны, обгладывая камыши, чавкают, чмокают на все озеро. А ведь они осторожные рыбы, иной раз тихого всплеска, дрожащей веточки остерегаются.

Наладилась жизнь у сеголетки. Поверила, что ничего ей не грозит в этом мире.

Вильнула хвостом, расправила плавники-перышки и вслед за стайкой из камышовых зарослей вверх, на поверхность озера поплыла. Как раз солнце садилось. Комары в эту пору над водой собираются, жужжат всю, словно праздник какой. И уже предвкушала сеголетка скорую добычу, и хвостом играла, да вдруг...

Солнце последний раз из-за тучи выглянуло, и на солнце серебром чешуя сверкнула, так сверкнула, что глазам больно стало!

Уклейки! Это они так серебрятся. Из-под мостков вынырнули. Длинные, быстрые, ненасытные — погибель верная. Сеголетка, да и вся стайка ее ровесниц так растерялись, что и в бегство не сразу припустились. Впрочем, разве от уклеек скроешься?!

Задрожала сеголетка, к тростнику прижалась, с жизнью прощаясь. А уклейка рядом, совсем рядом. Еще миг... Качнулся тростник от сильного плеска, уклейки бросились, но не к ней, а вверх, будто из воды выпрыгнуть захотели. Мимо тростника шука плыла — зубастую пасть разинула.

Быстро пролетело лето. Давно отцвели белые и желтые кубышки. На их лепестках сеголетка не раз мошек ловила. Потом дожди пошли. Вода у берегов помутнела. Дождевые потоки принесли червячков, комочки навоза, всякую поживу.

Однажды на озере поднялся невообразимый переполох. Люди запустили бредень — длинную и широкую сеть. По концам сети высокие жерди, в центре мешок. И сами люди бродом пошли, потянули бредень.

Чего только не увидела в эти минуты сеголетка! Заметались рыбы — большие и малые. Страшную шуку увидела — из пасти шурунок торчал, проглотить не могла. И уклейки носились как бешеные. Сазаны на дно ушли, в ямы забились, притаились. Сеголетка проскочила через сеть — как-никак маленькая.

По ночам холодно стало. У берегов стеклянная корочка льда появилась. Слышала сеголетка, как захрустел молодой ледок, когда знакомая плоскодонка к острову причалила. Вышли на берег голубоглазый Илюша и чернявый Павлик. Долго вдоль воды бродили.

Затем повели лодку к середине озера, дику утку заметили. Стая дня три как пролетела, а эта, раненая, одна осталась.

Последний раз слышала сеголетка в этом году плеск весел. Чем холоднее становилась вода, тем медленнее и ленивее она двигалась. И днем и ночью — все время — спать хотелось. И она подчинилась инстинкту — спустилась в сумеречную тишину камышовых зарослей. И погрузилась в долгую зимнюю дрему.

Ю. Чернов

«КОЛОКОЛЬЧИКИ»

Лена Шейга

г. Макеевка

ДВЕ СЕСТРЫ

На небольшой полянке стоят два ничем не примечательных дерева: сосна и береза. Но если посмотреть на них глазами человека, любящего и понимающего природу, то обязательно увидишь: они словно две сестры.

Две сестры — старшая и младшая. Старшая — сильная и высокая, младшая — хрупкая и ласковая. Старшая оберегает младшую от сильных бурь и ветров, а младшая ласково благодарит ее. Ветви этих деревьев переплелись, стволы почти касаются друг друга, и вместе они тянутся к солнцу.

Вот как надо жить на земле, и тогда во всем мире будет мир и счастье.

г. Гатчина
Ленинградской области

Катя Комракова

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Эдуард Корпачев. Луга медвяные.		В. Барков. Барсуки вернулись домой	22
Повесть	1	К. Глазунова. Разноцветье июня	25
Зеленый наряд Отчизны	6	Жорж Блон. Шестиногие агрессоры	30
И. Пономарев. Клады саянской тайги	8	Клуб Почемучек	36
В. Ковда. Источник силы и богатства	13	Знать, беречь, множить	42
Лесная газета	16	Во саду ли... в огороде...	46
		Записки натуралиста	50
		Конкурс «Родник»	55

НАША ОБЛОЖКА:

На первой странице обложки — ястребинка. В СССР встречается около 900 видов. С середины лета до осени цветет дербенник иволистный (четвертая страница обложки).

НАШ АДРЕС:

ТЕЛ 251-15-00

год 4-80

Главный редактор А. А. ВИНОГРАДОВ
Редколлегия: Григорьев В. В., Корчагина В. А., Клунов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чашарин Б. А. (ответственный секретарь), Шукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук, профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор Н. Ф. Михайловская

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 1/IV 1974 г. Подписано к печати 13/V 1974 г. А07697. Формат 70×100/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 553 000 экз. Заказ 656. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сушеская, 21.

САХАЛИН

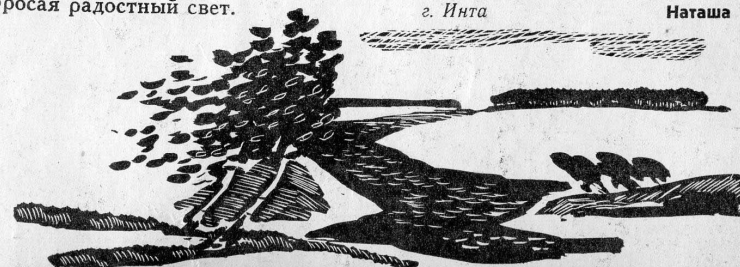
Я люблю Сахалин.
Его буйные ветры,
Его снег, его дождь,
Его старые кедры.
А еще я люблю
Сахалинскую осень.
Много ягод, грибов
Мы в корзинах приносим.
В эту пору всегда
Журавлиные стаи,
Стаи уток, гусей
До весны улетают.
Я люблю Сахалин
За тайгу, за озера,
За моря, за леса,
За синие горы.
Я люблю Сахалин!
Его буйные ветры,
Его снег, его дождь,
Его старые кедры.
Я люблю Сахалин!

Сахалин

Лариса Харченко

УТРО

Утро — улыбка рассвета,
Прекраснее этого нет.
Солнце смеялось где-то,
Бросая радостный свет.

Утро в красных сапожках,
В розовом ярком платке
Пробежало по пашням,
Удобрилось реке.
Утро ласкало горы,
К скалам склоняясь легко,
Утро бросало в озера
Солнечный луч глубоко.
Утро — улыбка рассвета,
Утро — рождение дня.
Солнце смеялось где-то,
Своим светом маня.

Москва

Таня Лебедева

ВЕТЕР

С долины ветер сорвал туман
И россыпи звезд засунул в карман.
Из сада прогнал тишину с темнотой,
Обдав деревья прохладной волной.
Ветер жаворонка песню
Расплескал по всей земле.
И лугом-смычком на речке
Поиграл как на струне.
Растрепались у ветра ковыли-усы.
Чуть заметно в них дрожали
капельки росы.

Облаков стада кудрявых
Ветер увидал
И по полю голубому
К солнцу их погнал.

г. Инта

Наташа Половко

Индекс 71121
20 коп.

